

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ

В. М. ШТЕЙН

ГУАНЬ-ЦЗЫ

Исследование
перевод

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик
Н. И. КОНРАД

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Передавая эту работу в печать, я хочу воздать должное двум большим ученым, оказавшим исключительную помощь мне (не синологу, а экономисту, который до 45 лет не был знаком с китайским иероглифическим письмом) в овладении таким трудным для понимания текстом, как «Гуань-цзы». Первым был покойный ныне академик Василий Михайлович Алексеев, с которым я читал некоторые главы «Гуань-цзы», причем Василий Михайлович, естественно, больше всего заботился о филологической точности перевода, тогда как меня прельщала перспектива поскорее добраться до его экономического смысла. Еще более я обязан академику Николаю Иосифовичу Конраду, читавшему мой перевод глав «Гуань-цзы» с исключительным вниманием. Он сделал мне множество полезных указаний, критически проверил перевод каждого предложенного мною термина, подчас существенно изменял смысл переведенных фраз. Приношу Николаю Иосифовичу глубочайшую благодарность за его дружеское, активное и творческое участие в моей работе.

Считаю также необходимым выразить глубокую благодарность Виктору Андреевичу Вельгусу, сделавшему мне ряд ценных указаний по переводу, а также Льву Николаевичу Меньшикову за помощь при подготовке рукописи к печати.

В. Штейн

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе делается попытка исследования одного из ранних этапов истории экономических учений Китая. До сих пор Китаю (как и другим восточным странам) почти не отводилось места в курсах и учебниках по истории экономической мысли. Шаблонная схема развития экономической мысли, которой пользуется подавляющее большинство буржуазных ученых в своих исследованиях и в преподавании, ограничивается почти исключительно рассмотрением формирования экономических идеологий в пределах европейского континента.

Игнорирование достижений восточной науки буржуазными историками необоснованно. История мировой экономической мысли должна дать по возможности полное отображение экономических воззрений различных общественных классов и групп не только в период капитализма, но и в условиях рабовладельческой и феодальной формаций. Нам не удастся до конца понять столкновения различных интересов в обществе, если мы не уясним себе общественных позиций участвующих в борьбе сторон. «История идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»¹.

При этом для нас существенны не столько отдельные мыслители, как бы ни обогащали их идеи сокровищницу мирового знания, сколько история единоборства общественных направлений. Только изучив самобытный процесс формирования идеологий на конкретной классовой почве разных стран, можно выяснить все своеобразие развития мировой экономической мысли.

История науки стран Востока располагает огромным материалом, ярко характеризующим смену экономических воззрений. Эта смена запечатлена в десятках и сотнях памятников, в своей совокупности, однако наукой еще не осмысленных. Не подлежит сомнению, что этот пробел рано или поздно придется преодолеть. Давно пора приступить к перестройке изучения раннего периода в истории мировой экономической мысли, включив в предмет ее рассмотрения и Восток. В настоящей работе делается попытка осветить одну из наиболее ярких страниц в истории восточной

¹ В. И. Ленин, *Рецензия на книгу* (Сочинения, т. 20, изд. 4), стр. 237.

экономической мысли — замечательный древнекитайский трактат «Гуань-цзы», причем я буду стремиться показать его не изолированно от других течений экономической мысли древнего Китая, а в тесной связи с ними и на фоне народнохозяйственной обстановки эпохи.

Нельзя, конечно, забыть указание Маркса, что политическая экономия как наука представляет собой рассмотрение экономических отношений капиталистического производства и в качестве таковой появилась впервые в период мануфактуры. Однако история экономической мысли начала складываться задолго до этого. В одной из написанных Марксом глав «Анти-Дюринга» читаем, что отдельные положения и теоремы политической экономии «могут встречаться, например, у писателей древнегреческого общества лишь постольку, поскольку известные явления, как производство товаров, торговля, деньги, капитал, приносящий проценты, и т. д., общи обеим общественным системам. Поскольку греки делают иногда случайные экскурсы в эту область, они обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях»². Древние китайцы наблюдали вокруг себя те же явления, что и греки, и сумели подвергнуть их замечательному анализу, тем более заслуживающему внимания, что у некоторых из них (я имею в виду прежде всего «Гуань-цзы») он построен на идее руководства рыночными процессами со стороны государственной власти.

Прошло сто лет с тех пор, как вышел в свет курс истории экономических учений Ю. Каутца. Каутц уделил значительное внимание (правда, на основании источников, взятых из вторых рук) экономической мысли народов древнего Востока: индийцев, иранцев, китайцев, египтян, вавилонян, финикийцев и евреев. Среди других он отмечает и «Гуань-цзы» как «древнекитайского политэконома». Его заинтересовали больше всего идеи «Гуань-цзы», относящиеся к денежному обращению³. Казалось бы, работа Каутца могла послужить пробуждению интереса к достижениям восточной экономической мысли, но на деле создается впечатление, что буржуазная наука пошла в этой области назад, а не вперед.

Новейшие историко-экономические исследования либо попросту игнорируют восточную экономическую мысль, как будто ее и вовсе не было, либо вследствие недостаточного знакомства с фактами занимаются рассмотрением случайных эпизодов. Так, Хейни⁴ в главе, посвященной Востоку, после поверхностного сопоставления экономических воззрений древних индусов и древних евреев, пренебрегая большими различиями в социально-экономической обстановке, делает неожиданное заключение об их сходстве. Другой американский автор, Ролл, считает достаточным познако-

мить читателя с направлением мысли Ветхого Завета, да и то отрицается преимущественно филиппиками еврейских пророков против безнравственного стяжания⁵.

Особенно характерна позиция одного из крупнейших представителей буржуазной политической экономии Шумпетера. В своей объемистой книге по «истории экономического анализа» автор утверждает, что экономическая мысль не заслуживает специального рассмотрения в историческом разрезе, если в ней нет элементов научного анализа, а именно таким было, по его мнению, положение на Востоке. Некоторые колебания автор обнаруживает лишь в отношении Китая, являющегося родиной древнейшей литературы. Он делает даже туманный намек на то, что некоторые методы руководства денежным обращением и контроля над обменом в древнем Китае «предполагают известную долю анализа». Почти не приходится сомневаться в том, что это признание заслуг восточной экономической мысли было направлено как раз в адрес «Гуань-цзы». Но все же Шумпетер в конце концов отказывается древним китайским экономистам в признании за их произведениями элементов научности⁶.

В целом можно сказать, что, если читатель доверится буржуазной литературе по истории экономических учений, он будет убежден, что Восток не создал в этой области ничего поучительного и оригинального, остался, по выражению Хейни, на «детской стадии» мышления. Между тем если бы упомянутые авторы дали себе труд познакомиться ближе с экономической мыслью древнего Востока и особенно Китая, им пришлось бы удивляться не примитивности, а исключительной (для своего времени) зрелости экономической мысли этих стран.

Появление в древнем Китае такого замечательного, воплощавшего передовую общественную мысль экономического трактата, как «Гуань-цзы», позволяет сделать вывод, что Китай был не только страной с древней культурной традицией, но что и по типу производственных отношений он должен был далеко обогнать многие государства античного мира. Что китайская культура одна из древнейших на земном шаре, достаточно хорошо известно. Мао Цзэ-дун с полным правом пишет, что «Китай является одним из государств мира, обладающих наиболее древней культурой. Засвидетельствованная письменными памятниками история Китая насчитывает почти четыре тысячи лет». Китайский народ «породил многих великих мыслителей, писателей, художников и создал множество памятников культуры»⁷. Можно сказать, что трактат «Гуань-цзы» не только был выдающимся произведением

⁵ E. Roll, *A history of economic thought*, New York, 1946, p. 13—15.

⁶ J. A. Schumpeter, *History of economic analysis*. Edited from manuscript by Elisabeth Boody Schumpeter, London, 1955, p. 52—54.

⁷ Мао Цзэ-дун, *Китайская революция и Коммунистическая партия Китая* (Избранные произведения, т. 3, М., 1953), стр. 137.

² Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, М., 1957, стр. 214—215.

³ J. Kautz, *Die geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomie und ihrer Literatur*, Abt. 1, Wien, 1860, S. 94.

⁴ L. H. Haney, *History of economic thought*, New York, 1925, p. 34—50.

научно-политической мысли своего времени, но и закономерным порождением «золотого века китайской философии».

Очень сложен вопрос о том, какая социально-экономическая формация господствовала в этот период в Китае и в какой мере появление трактата «Гуань-цзы» могло быть обусловлено характером производственных отношений в этой стране. Конечно, не приходится ожидать полного соответствия между развитием общественно-экономической мысли в каждой стране и уровнем ее социального развития. Но все же изменения в системе идей не могут не зависеть в конечном счете от сдвигов в производственных отношениях. Поэтому для историка общественной мысли одной из ответственных задач является определение почвы, на которой данная идеология могла зародиться. Я не могу здесь с исчерпывающей полнотой обосновать свою точку зрения на то, какая формация господствовала в Китае, когда, по нашим предположениям, должен был появиться труд «Гуань-цзы», т. е. в период Чжаньго и Цинь-Хань. Хорошо известно, какие разногласия существуют как в самом Китае, так и у нас по этому вопросу. В ходе дискуссии постепенно накапливаются материалы, которые рано или поздно дадут возможность добиться единомыслия на основе строго проверенных и продуманных фактов. Пока же каждому исследователю приходится решать вопрос о характере социально-экономической формации в Китае в период Чжаньго и Цинь-Хань на свой страх и риск. Вопрос о том, господствовали ли в Китае в период Чжаньго феодальные или рабовладельческие производственные отношения, не является здесь предметом исследования, и сложность его настолько велика, что не хотелось бы решать его попутно, без всестороннего и глубокого анализа, какого он заслуживает.

Я считаю возможным отстаивать тезис, что прогрессивный характер общественной мысли, нашедший воплощение в труде «Гуань-цзы», свидетельствует о наличии в тогдашнем Китае передовых производственных отношений. Оставляя в стороне другие страны древнего Востока, следует признать, что Китай, по-видимому, опередил Европу по срокам перехода от рабовладельческой к феодальной формации. Господство в Европе феодализма начинается не ранее V в. н. э. В отношении же Китая по этому вопросу существуют по крайней мере три точки зрения. Нет возможности коснуться здесь, хотя бы и бегло, аргументов, к которым прибегают отдельные авторы при отстаивании того или иного мнения о времени перехода от рабовладения к феодализму в Китае⁸. Скажу лишь, что, как мне представляется, при решении вопроса о том, какие производственные отношения господствовали в Китае в период Чжаньго и Цинь-Хань, решающее значение имеет степень участия рабов в ту эпоху в производстве. Несмотря

⁸ См. об этом подробнее в предисловии Р. В. Вязкина к русскому переводу книги: Фань Вэнь-лань, *Древняя история Китая*, М., 1958.

на то что отдельные авторы определяют число рабов при Хань такой, по моему мнению, преувеличенной цифрой, как 10 млн., сама по себе численность рабов — признак второстепенный. Например, при Тан и Сун домашнее рабство сохранялось в больших масштабах, однако едва ли кто-нибудь рискнет на этом основании утверждать, что при Тан и Сун в Китае преобладали рабовладельческие производственные отношения! Другое дело — наличие рабов в качестве непосредственных производителей. Этот признак, естественно, является важнейшим. Я тщетно пытался найти в изображаемом в «Гуань-цзы» строе хозяйства какую-нибудь аналогию с производственными отношениями, существовавшими хотя бы в плантационном хозяйстве Рима. И не удивительно: даже убежденные сторонники преобладания рабовладельческой системы в ханьском Китае признают, что в основном при Цинь и Хань «полеводством в условиях разложения земледельческих общин занимались семьи свободных земледельцев и позднее издольщики-арендаторы», тогда как «рабский труд использовался в горном деле и при обработке металлов, в соляном и морском промыслах, на транспорте и особенно в судоходстве»⁹. Естественно возникает вопрос, какая же рабочая сила перевешивала в ханьском Китае: «свободные земледельцы» в сельском хозяйстве или рабы в горном деле и судоходстве. И дело даже не в том, что сельское хозяйство было, бесспорно, в этот период становым хребтом экономики, несмотря на быстрый рост промыслов. Дело в общем стиле хозяйственной жизни, который так ярко проступает во всем трактате «Гуань-цзы». Невозможно сомневаться в том, что именно земледельцы, ведущие самостоятельное хозяйство, выступают в этом произведении как главное действующее лицо. Мы чувствуем это и тогда, когда авторы трактата опасаются подорвать индивидуальное хозяйство земледельца чрезмерным усилением принудительных повинностей в пользу государства, и тогда, когда князь Хуань заявляет, что он уважает труд земледельца и хочет облегчить его тяжелое материальное положение, и тогда, когда проектируется резкое повышение хлебных цен в интересах крестьянства, и т. д. Все эти суждения были бы беспочвенны, если бы рабский труд был основой производства. Самая система «цзинтянь»¹⁰ едва ли могла бы существовать в рамках рабовладельческого хозяйства.

Может создаться впечатление, будто острота споров о характере производственных отношений в период Чжаньго и Цинь-Хань несколько притупляется тем, что теперь признана всеми многоукладность древнекитайского общества¹¹. Казалось бы, нет боль-

⁹ Л. В. Симоновская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев, *Очерки истории Китая*, М., 1956, стр. 21—22.

¹⁰ О системе «цзинтянь» см. ниже, стр. 102 и след.

¹¹ См.: «Политическая экономия», М., 1958, стр. 39. — Подчеркивается сочетание вообще в странах Востока феодальных отношений с отношениями рабства в течение длительного времени. Это характерно для Китая, Индии, Японии и других стран.

шой разницы между утверждением, что в Китае в рассматриваемый период господствовали производственные отношения рабовладения в сочетании с весьма развитым феодальным укладом или, наоборот, что преобладание феодализма не мешало существованию рядом с ним мощного рабовладельческого уклада. Однако подобная научная «терпимость» может привести лишь к тому, что будет утеряно представление о четких границах между явлениями. Ведь речь идет о том, какие производственные отношения преобладают и накладывают свою печать на весь хозяйственный строй. В этом отношении «Гуань-цзы» — незаменимый документ: во всем трактате едва ли отыщется страница, бросающая свет на те или иные явления рабовладельческого хозяйства, тогда как вопросы труда и быта крестьян не выходят из поля зрения авторов книги. Итак, «Гуань-цзы», по нашему мнению, памятник феодальной идеологии.

Надо заметить, что в настоящее время большинство китайских товарищей склоняются к точке зрения Го Мо-жо, что переход к феодализму совершился в Китае в середине V в. до н. э., что подкрепляет нашу трактовку «Гуань-цзы».

Представление о «Гуань-цзы» как о произведении передовой мысли развивающегося феодального общества вполне укладывается в общую рамку господствующих в настоящее время взглядов относительно высокого уровня восточной культуры в древности вообще.

Приоритет восточной науки над европейской в настоящее время бесспорно установлен. Ограничусь приведением двух-трех выдержек. Академик В. В. Струве, отмечая, что «история древнего Востока есть история древнейших классовых обществ»¹², вместе с тем указывает, что «древневосточное наследие, в первую очередь вавилонское, передавалось греко-римскому миру через хеттское общество»¹³.

Проф. С. Я. Лурье пишет, что к началу VI в. до н. э. «восточная наука еще стояла неизмеримо выше греческой», что «древневосточная наука послужила отправным пунктом для всей работы восточногреческой научной мысли»¹⁴.

Представление о том, что в трудах Платона и Аристотеля политэкономия древности достигла вершины, должно быть пересмотрено. Достаточно сказать, что в настоящее время существует целое течение, доказывающее, что мировоззрение самого Платона созрело, если не целиком, то во всяком случае в весьма важных своих частях, под восточными влияниями. В 1920 г. Урвик напечатал исследование о Государстве Платона, обнаружив удивительную близость его к древнеиндийским источникам¹⁵. Несколько

¹² В. В. Струве, *История древнего Востока*, [М.], 1941, стр. 3.

¹³ Там же, стр. 113.

¹⁴ С. Я. Лурье, *Очерки по истории античной науки*, М.—Л., 1947, стр. 11, 23.

¹⁵ E. J. Urwick, *The message of Plato: A reinterpretation of the Republic*, London, 1920.

позднее на тему о связях Платона с Востоком появился ряд немецких работ¹⁶. Синтез этой литературы дал Бидэ¹⁷. Иранские и индо-иранские источники Платона, по мнению современных исследователей, особенно сказываются в диалогах: Федон, Горгий и др. Во введении к Тимею усматривают египетскую атмосферу. В самой Академии Платона были халдеи и представители других восточных народов, близость с которыми могла оказать известное влияние на творчество Платона. Бидэ посвятил специальную главу своей работы путешествиям Платона по Востоку¹⁸. Таким образом, даже Платона нельзя понять до конца, не познакомившись с восточными источниками его мысли. Это показывает, какой вред приносит науке игнорирование или, в лучшем случае, поверхностная передача материалов из истории восточных идеологий. Ограничение истории экономической мысли европейским материалом неизбежно приводит к обеднению предмета исследования.

Почин изучения истории экономических идей древнего Китая, с обращением к первоисточникам, принадлежал китайским ученым, за которыми последовали и западные китайцы. В 1911 г. вышла книга Чжэнь Хуань-чжана об экономических принципах Конфуция и его школы¹⁹.

Существенными недостатками этой объемистой работы, содержащей интересный материал по истории экономической мысли древнего Китая, были, с одной стороны, модернизация древнекитайских идеологий, и с другой — догматическое, а не историческое отношение к конфуцианству, граничащее с аполотетикой. По словам Чжэнь Хуань-чжана, «из высказываний Конфуция и Гуань-цзы мы знаем, что при династии Чжоу существовало свободное движение труда и международная конкуренция на трудовом рынке»²⁰. Конфуцианство он трактует как разновидность социализма, но при этом подчеркивает, что «такая теория является не коммунизмом, а скорее государственным социализмом»²¹. В деятельности Гуань Чжуна он усматривает успешную реализацию идей меркантилизма и государственного социализма²².

Мне придется еще в дальнейшем изложении вернуться к «социализму» Конфуция. Здесь же я остановлюсь только на передаче идей «Гуань-цзы», поскольку Чжэнь Хуань-чжану принадлежит наиболее ранняя попытка воспроизвести экономические воз-

¹⁶ W. Jaeger, *Aristoteles*, Berlin, 1923; R. Reitzenstein und H. N. Schader, *Studien zum antiken Synkretismus*, Leipzig—Berlin, 1926.

¹⁷ J. Bidet, *Eos ou Platon et l'Orient*, Bruxelles, 1945.

¹⁸ Конечно, во всех этих толках о заимствованиях Платона из восточных источников есть некоторое преувеличение, но все же восточные влияния на Платона не могут быть оспорены.

¹⁹ Chen Huan-chang, *The economic principles of Confucius and his school* («Studies in history, economics and public law», Columbia University, vol. XLIV, New York, 1911).

²⁰ Ibid., p. 484.

²¹ Ibid., p. 174.

²² Ibid. p. 142.

зрения трактата. По его словам, в «Гуань-цзы» мы находим первую законченную экономическую систему, которая доступна нашему обозрению сегодня». Однако Чжэнь Хуань-чжан предупреждает, что он упоминает «Гуань-цзы» только для того, чтобы противопоставить его Конфуцию²³ ввиду коренного различия их учений. Чжэнь Хуань-чжану удалось все же довольно удачно передать сущность экономического учения «Гуань-цзы» в очень краткой первоначальной формуле: «политика контроля со стороны государства над спросом и предложением». Расшифровывает ее Чжэнь Хуань-чжан в следующих словах: «Правительство должно контролировать отношения между деньгами и товарами (commodities), выпуская и изымая деньги, чтобы уравнивать богатых и бедных и чтобы превратить государство в доминирующую силу в экономической жизни»²⁴. Уже эта формула показывает, что в экономической системе «Гуань-цзы» деньгам отводится первенствующая роль. Чжэнь Хуань-чжан отмечает, что хотя «Гуань-цзы» не конфуцианское сочинение, но теория денег у конфуцианцев и авторов «Гуань-цзы» общая, так как и те, и другие заимствовали ее у древних государей». Основной смысл теории денег «Гуань-цзы» в том, что деньги как таковые должны иметь высокую стоимость. Ввиду того что они являются предметом, который трудно получить, они могут измерять стоимость других вещей. Правда, деньги нельзя употреблять непосредственно для еды или защиты от холода. Однако, «используя их, древние государи охраняли богатство, контролировали человеческие действия и производили выравнивание в мире. Поэтому деньги называли мерилем: это означает, что благодаря им рост и падение цен не затрагивают самого мериле»²⁵.

Передавая содержание теории «Гуань-цзы» относительно присвоения государством купеческих прибылей, Чжэнь Хуань-чжан объясняет, что получение торговцами чрезвычайных прибылей «наносит ущерб бедняку и разрушает равенство в отношении богатства». Если же прибыли будут доставаться носителям государственной власти, последние сумеют «использовать их для приспособления богатства к задачам общества»²⁶.

После выхода в свет труда Чжэнь Хуань-чжана появилась небольшая статья японского автора Гиндзо Утида о социально-экономических теориях древнего Китая²⁷. Справедливо высоко оценивая духовное развитие и экономический прогресс древнего Китая, автор не сумел правильно показать соотношение основных направлений экономической мысли. Хотя он отводит значитель-

ное место экономическим идеям «Гуань-цзы», но подчеркивает в этом памятнике совсем не то, что является действительно ценным. Поистине замечательное, как будет показано ниже, учение «Гуань-цзы» о воздешствии на уровень рыночных цен Гиндзо Утида сопоставляет с порожденной средневековой схоластикой доктриной *justum pretium*, добавляя к этому у «Гуань-цзы» лишь решительную защиту классовых различий: «каждому предписывается не менять своей профессии и следовать отцовскому состоянию»²⁸.

Более удачно передал сущность учения «Гуань-цзы» Гу Суй-лу, опирающийся в своей специальной работе по банковским операциям на главы 72—73 «Гуань-цзы»: «Прежние государи выпускали деньги из различных металлов исключительно для того, чтобы регулировать хлебные цены. Именно хлеб обеспечивает существование человеку и имеет поэтому действительную стоимость (Wert). Цены всех товаров равняются по цене хлеба и притом так, что товарные цены понижаются при повышении цены хлеба, и наоборот. Однако хлеб не годится в качестве денег и вообще как измеритель стоимости. Стоимость денег непостоянна: она высока при плохом и низка при хорошем урожае. В хорошие годы, когда хлеб дешев, земледельцу приходится сбывать избыток хлеба себе в убыток. Но когда приходит плохой год и земледелец должен покупать хлеб для собственного потребления, его выручка за зерно хорошего года не соответствует росту хлебных цен. Отсюда проистекает большая нищета. Но ее можно предотвратить разумной валютной политикой правительства. Правительство должно выпускать деньги различных сортов»²⁹.

Теория избавления крестьян от бедности путем формирования запасов и выпуска денег действительно является стержнем трактата, однако Гу Суй-лу едва ли прав, когда приписывает «Гуань-цзы» понятие стоимости, которого у последнего нет.

Более подробно на изложении экономических теорий «Гуань-цзы» остановился в 1926 г. Бэме. Этот автор считает, что в Китае с древнейших времен существовало хозяйственное общение «коммунистического» типа; однако ко времени появления трактата «Гуань-цзы» обстановка начинает меняться. С одной стороны, нарождаются латифундии, вытесняющие мелкое крестьянское хозяйство; с другой — развивается натуральный товарооборот местного масштаба (Krammarkt)³⁰. Если при таких условиях трактат «Гуань-цзы», по Бэме, проникнут идеями, что «регулирование всего производства является делом государства», то корни этого взгляда нужно искать в далеком прошлом, в патриархально-общинном строе. Однако Бэме сам не выдерживает своей позиции, приписы-

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., p. 556.

²⁵ Ibid., p. 435—436.

²⁶ Ibid., p. 478—479.

²⁷ G. Uchida, *Wirtschaftliche Entwicklung und soziale Theorien im alten China* («Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», hrsg. von Carl Grünberg, Bd III, Leipzig, 1913).

²⁸ Ibid., S. 13.

²⁹ Ku Sui-lu, *Die Form bankmässiger Transaktionen im inneren chinesischen Verkehr mit besonderer Berücksichtigung des Notengeschäfts*, Hamburg, 1924, S. 4.

³⁰ K. Böhme, *Wirtschaftsanschauungen chinesischer Klassiker*, Hamburg, 1926, S. 29.

вая «Гуань-цзы» мнение, что рынок — барометр хозяйства³¹, что «Гуань-цзы» был «первым организатором валюты и денежного хозяйства в Китае», что с введением денег «в мышление китайцев вторгается проблема стоимости и цены». Бэме утверждает также, что слова «Гуань-цзы» относительно «равновесия товаров» звучат в современном европейском духе, что он проповедует количественную теорию денег и т. д. Эти явные противоречия Бэме объясняются ошибочностью его исходной позиции. Мировоззрение «Гуань-цзы» формировалось в сложной экономической обстановке, когда следы патриархально-общинного строя давно исчезли. В «Гуань-цзы» проповедует теория государственного вмешательства в экономику в рамках вполне сложившегося классового общества, и именно эта черта определяет своеобразие трактата.

Последние несколько лет ознаменовались оживлением интереса к изучению «Гуань-цзы». Я имею в виду главным образом выход в свет двух изданий: в 1954 г. в США вышел английский перевод экономических глав «Гуань-цзы»³²; существенно новый этап в понимании трактата открывает новое китайское издание «Гуань-цзы» (1956 г.), предпринятое президентом Академии наук КНР Го Мо-жо и несравненно более полное и богатое по собранному материалу, чем все предыдущие³³.

Инициатором и руководителем американского издания был профессор-экономист Маверик. Им же написана вводная статья, в которой он в основном придерживается концепции Хуан Ханя, работу которого «Экономические мысли у Гуань-цзы» (1936 г.) Маверик включил в книгу. Хуан Хань утверждает, что «Гуань-цзы» был частью написан в период Чжаньго, а частью — при Цинь, причем трактат был скомпилирован из различных более ранних источников³⁴. Исходя из этого, Маверик пишет, что трактат был, по всей вероятности, создан в столице княжества Ци городе Линь-цзы между 330 и 300 гг. до н. э. группой ученых, входивших в состав академии этого княжества. В этой группе были Мэн-цзы и Сюнь-цзы, который, по мнению Маверика, мог принимать участие в написании трактата³⁵.

Гипотеза Хуан Ханя и Маверика основана в сущности на догадке: наличие такого идеологического центра, как академия, именно в княжестве Ци, где протекала и государственная деятельность

³¹ Ibid., S. 37.

³² «Economic Dialogues in ancient China». Selections from the Kuan-tzu, a book written probably three centuries before Christ. Translators: T'an Po-tu and Wen Kung-wen (Adam K. W. Wen). Expert critic: Hsiao Kung-chüan. The enterprise directed, the book edited and published by Lewis Maverick, Carbondale, Illinois, 1954.

³³ 郭沫若等, 管子海校, 上集, 1956 (далее — Го Мо-жо и др., Гуань-цзы цзи-цзяо). — В числе редакторов, кроме Го Мо-жо, указаны профессора Сюй-Вэй-юй и Вэнь И-до, написавшие свой комментарий к Гуань-цзы в период антияпонской войны (там же, стр. 8—9).

³⁴ «Economic Dialogues in ancient China», p. 228—229.

³⁵ Ibid., p. 3.

Гуань Чжуна, делает весьма вероятным, что ученые этой академии могли заняться приведением в систему взглядов, которые приписывались Гуань Чжуну традицией. Впрочем, Маверик и сам сознает условность решения и сообщает, что в издаваемой им книге лишь принимается «презумпция», что трактат «Гуань-цзы» написан около 300 г. до н. э.³⁶

Хуан Хань много потрудился над тем, чтобы упорядочить высказывания «Гуань-цзы» по экономическим вопросам, и все же не сумел понять самого главного: учения «Гуань-цзы» о стабилизации хозяйства («цинчжун») в целях ликвидации колебаний цен, дающих возможность торговцам и спекулянтам наживаться на народных бедствиях. Для Хуан Ханя учение о контроле над ценами всплывает лишь в связи с так называемой количественной теорией денег, сформулированной в «Гуань-цзы», по его словам, почти на две тысячи лет раньше Бодена.

В действительности «контроль над ценами» является частью большого плана воздействия на хозяйство в целях устранения влияния торговцев на рынок в их своекорыстных интересах. Государство вступает в борьбу против торговцев, опираясь на принадлежащие ему ключевые позиции в экономике, в частности на формирование товарных запасов, облегчающих воздействие на цены в желательном направлении. Авторы «Гуань-цзы» хотят совершенно искоренить из хозяйственной жизни дух погони за наживой. Хозяйство должно быть построено на новой, этической основе. Таким образом, Хуан Хань не понял, что учение о стабилизации хозяйства является квинтэссенцией «Гуань-цзы» и что оно соприкасается с количественной теорией денег лишь в деталях, представляющих для Гуань-цзы второстепенный интерес.

Никак нельзя одобрить стремление Маверика найти какую-то связь между учением «Гуань-цзы» и физиократической доктриной во Франции³⁷.

Основное положение физиократов, согласно которому только земля является источником богатства, так как она создает чистый прирост стоимости («produit net»), тогда как все занятия, помимо земледелия, являются бесплодными, совершенно чуждо «Гуань-цзы». Ниже будет показано, что по «Гуань-цзы» промышленность является таким же ценным источником доходов, как и земледелие³⁸. Нет никакой аналогии между единым налогом физиократов и обложением соли и железа в экономической доктрине «Гуань-цзы».

³⁶ Ibid., p. 5.

³⁷ В истории политической экономии давно было отмечено преклонение физиократов перед Китаем. Глава школы Кенэ (друзья называли его «Конфуцием Европы») написал даже специальную работу «О китайском деспотизме». В ней прославлялся Китай как страна, в которой социально-экономические идеалы физиократов воплотились в жизнь.

³⁸ Я не говорю уже о том, что физиократы — первое научное направление политической экономии капиталистического периода, тогда как труд «Гуань-цзы» был продуктом феодальной идеологии.

Новое издание текста «Гуань-цзы», предпринятое президентом китайской Академии наук Го Мо-жо, свидетельствует об огромной работе, сделанной им как в качестве редактора всего издания, так и исследователя-комментатора почти всех глав «Гуань-цзы». Труд, изданный Го Мо-жо, является обобщающим синтезом накопившегося за длинный ряд веков комментаторского материала. В книге воспроизведены также многочисленные выдержки из сочинений, в которых имеются заимствованные из «Гуань-цзы» положения. Поэтому новое издание «Гуань-цзы» создает весьма благоприятные условия для изучения влияния этого трактата на позднейшую китайскую литературу. В предпосланных тексту «Гуань-цзы» статьях Го Мо-жо содержатся также ценнейшие библиографические указания как относительно изданий самого трактата, так и сочинений о нем в виде комментариев, а также самостоятельных отдельных трудов³⁹. Прделанная Го Мо-жо библиографическая работа открывает новую страницу для дальнейших углубленных исследований. Автор этих строк, к сожалению, не смог широко воспользоваться новым изданием «Гуань-цзы», так как оно появилось в свет тогда, когда настоящая рукопись была уже закончена.

Благодаря изданию Го Мо-жо возник, в сущности говоря, новый текст «Гуань-цзы», во многом расходящийся с традиционной канонизированной версией. Нам кажется, что произведенная Го Мо-жо с выдающимся аналитическим и текстологическим мастерством реконструкция «Гуань-цзы» не исключает, а скорее предполагает изучение обоих вариантов. Перед учеными, которые будут теперь заниматься изучением этого сочинения и его научной оценкой, открывается широкая перспектива сопоставления обоих текстов, объяснения источников расхождения между обеими версиями и т. д.

Я произвел детальную сверку некоторых глав экономического содержания (особенно центральной в этом отношении для всего построения «Гуань-цзы» главы 73) варианта Го Мо-жо с традиционной редакцией и пришел к выводу, что хотя текст и подвергся значительным изменениям, но они идут по линии его сокращения, а не расширения, и можно утверждать, что глубоких метаморфоз содержания не произошло. Текст стал лаконичнее, можно отметить отсутствие отдельных фраз, которые раньше способствовали литературной законченности некоторых рассуждений; иногда не хватает отдельных звеньев мыслей. Впрочем, в таких случаях на помощь читателю приходит комментарий, подобранный с исключительным искусством. В целом можно высказать убеждение, что изучение новой версии едва ли может вызвать принципиально иную оценку «Гуань-цзы» как экономического трактата, чем та, которая родилась в результате анализа старого текста.

Выход в свет нового издания «Гуань-цзы», выполненного с

³⁹ Го Мо-жэ и др., *Гуань-цзы цзи-цзяо*, стр. 1—24.

большой тщательностью и потребовавшего (как объясню в послесловии к этому труду) затраты огромной исследовательской энергии, показывает, что «Гуань-цзы» в новом, социалистическом Китае привлекает к себе усиленное внимание ученых.

* * *

Переходя к непосредственному рассмотрению труда, известного под названием «Гуань-цзы», отмечу прежде всего, что по классификации Карлгрена его следует отнести не к «свободным», а «систематизирующим» текстам доханьского периода. В отличие от «свободных» текстов в нем очень мало упоминаний имен и исторических событий. Систематизирующие тексты «являются произведениями ученых, сознательно пытающихся изложить законы или создать последовательное единство из древних традиций и ритуальных идей»⁴⁰. Точно так же и авторы «Гуань-цзы» ставили своей задачей заложить начала известной теории (в виде системы научных законов).

Авторство «Гуань-цзы» приписывалось когда-то Гуань Чжуну, но эта точка зрения давно оставлена. Гуань Чжун жил в VIII—VII вв. до н. э. Жизнь его была полна превратностей и рискованных ситуаций. Пробившись из среды «низов» к самой вершине общественной лестницы, он, бывший раб, был вдохновителем политики, приведшей главу княжества Ци князя Хуаня к роли первого в Китае «гегемона» — «ба». Личность Гуань Чжуна была овеяна легендами, возмечивавшими его способности, ум и находчивость. Ему приписывалось множество афоризмов, остроумных высказываний, смелых бесед с князем Хуанем. Он ничего не написал за время своей жизни, и потребовалось несколько веков, чтобы появились (в IV или III вв. до н. э.) литературные сочинения, украшенные его именем. По-видимому, именно романтический ореол, которым была окружена деятельность Гуань Чжуна в глазах его потомков, побудил каких-то неизвестных авторов IV—III вв. до н. э. взять на себя труд записать кое-что из относившегося к нему фольклорного материала.

Традиция ставила в заслугу Гуань Чжуну прежде всего умелую хозяйственную политику, благодаря которой княжество Ци приобрело большую экономическую мощь, использованную князем Хуанем для установления своей политической диктатуры. Поэтому не удивительно, что приписывавшиеся Гуань Чжуну труды были посвящены преимущественно вопросам экономики.

Первоначально эти работы сохраняли какой-то местный колорит княжества Ци, однако постепенно «Гуань-цзы» вышел на общекитайскую арену. Этому отчасти могло способствовать то, что Конфуций упоминает в «Луньюе» о Гуань Чжуне, хотя литературных произведений, приписывавшихся ему, он, естественно, не мог знать: они появились, когда Конфуция уже не было в живых.

⁴⁰ B. Karlgren, *Legends and cults in ancient China* [The bulletin of the museum of the far eastern antiquities] (Stockholm, 1946, № 18), p. 201.

Нужно сказать о духовных веяниях в Китае периода появления «Гуань-цзы», наложивших свой идейный отпечаток на этот трактат. Из этих идейных влияний нужно выделить даосизм и легизм.

То был период, когда на современников произвели огромное впечатление идеи «Даодэцзина». Влияние мировоззрения Лао-цзы отчетливо запечатлелось и в экономических работах, носивших название «Гуань-цзы». Идея Дао (стоящей над человеком мировой закономерности, проникнутой высшими нравственными началами) роднит оба произведения. Ранние китайские библиофилы сочли даже уместным отнести «Гуань-цзы» к числу сочинений даосского направления (это было при династии Хань).

Однако авторы «Гуань-цзы» идут дальше по сравнению с концепцией Лао-цзы. В «Даодэцзине» вопросам социально-экономического порядка отведено не очень много места. Будучи убежден, что задача управления обществом заключается в том, чтобы отнять излишки у имущего и отдать их беднякам, Лао-цзы видел, что на практике, в результате политики князей, наоборот, богачи еще больше умножают свое достояние, а бедняки нищают. Поэтому Лао-цзы стал пессимистом в вопросах общественной жизни, проповедуя принцип «у-вэй», т. е. «невмешательство человека в развитие объективной действительности»⁴¹. Главным злом общественной жизни Лао-цзы считал финансовую деятельность правительства⁴². «Народ голодает оттого, что слишком велики поборы и налоги»⁴³.

Те, кто написал «Гуань-цзы», изображали события общественной жизни в ином свете. В Китае в это время происходил бурный расцвет горных промыслов. Княжество Ци снабжало всю страну солью и богатело на этом. Еще большее значение имело распространение потребления черного металла, особенно усилившееся несколько позднее, — при Цинь-Хань. В руках производителей железа сосредоточивались большие богатства. В этой обстановке и зародилась идея добиться перераспределения богатства в стране в пользу бедняков мерами правительственного воздействия. Идеология «Гуань-цзы» как раз и заключалась не в отказе от общественной деятельности, как это проповедовалось в «Даодэцзине», а, напротив, в систематическом регулировании хозяйственной жизни сверху благожелательным и мудрым правителем (о классовой позиции авторов «Гуань-цзы» будет сказано ниже). Если «горы и моря» будут «взяты в казну», как советовал

⁴¹ Ян Хин-шун, *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение*, М.—Л., 1950, стр. 72.

⁴² Халоун высказывает предположение, что доктрина «неделания» была заимствована даосистами у ранних легистов и ее целью было установление «конституционных» рамок для властителя [см.: G. Haloun, *Legalist fragments*, part I. Kuan-tsi 55 and related texts [«Asia major», New series, vol. II, part I (London), 1951, p. 98]

⁴³ Ян Хин-шун, *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение*, стр. 156.

«Гуань-цзы», то прибылей от соли и железа с лихвой хватит для того, чтобы заменить все налоги.

Нельзя попутно не отметить, как неправильно приписывать «Гуань-цзы» возражения против смягчения налогового бремени для народных масс, как это делает, например, Пэн Синь-вэй в своем исследовании по истории китайских денег⁴⁴, усматривающий даже какую-то «противоположность» в финансовой политике «Гуань-цзы» и Лао-цзы. От начала до конца, как увидим, труд «Гуань-цзы» проникнут стремлением уменьшить налоговое бремя и тяжесть барщинных повинностей для населения. Недаром «Гуань-цзы» приписывается теория «ушуй чжуи», т. е. построения финансов без налогов.

Перехожу теперь к рассмотрению второго идеологического течения, а именно легизма. Стало обычным противопоставлять конфуцианство и легизм как два направления общественной мысли, из которых первое хотело использовать в качестве единственного средства регулирования общественной жизни нравственную норму — «ли», тогда как легизм предполагал всецело опереться с этой целью на закон («фа»). Это противопоставление в своей основе верно, но оно далеко не исчерпывает идеологических особенностей обоих течений. В частности, концепции, которые стали руководящими среди легистов, были несравненно шире и глубже, чем одно только понятие закона как принудительной юридической нормы. Эти концепции были тесно связаны с философскими категориями. Легисты хотели выделить в общественной жизни рациональное начало, связанное с сознательным воздействием на общественные отношения. В период развала монархии Чжоу, когда между отдельными княжествами начинается сложная дипломатическая борьба, в которой большую роль играет политическое искусство, начинают появляться идеи сознательного руководства общественной жизнью. Слепому случаю, стихийному развитию событий противопоставляется начало разумного регулирования для изменения хода вещей в желательном направлении.

Мы не можем точно установить время зарождения этих идей, но во всяком случае они зафиксированы достаточно четко уже в известном военном трактате VI в. до н. э. «Сунь-цзы». В нем очень ясно выражена мысль о торжестве планомерного регулирования и расчета над голой силой. Противника нужно «разбить умом», на него нужно «нападать замыслом», «нападать планом»⁴⁵. Решающим условием для победы является не физическое превосходство, а военное искусство, опирающееся на полководческий талант. Оно использует в первую очередь культурный и политический престиж страны. В этих суждениях Сунь-цзы нетрудно

⁴⁴ 彭信誠, *中國貨幣史*, 上海, 1954, 卷上, 50頁 (далее — Пэн Синь-вэй, *Чжунго хоби ши*).

⁴⁵ Н. И. Конрад. «Сунь-цзы». *Трактат о военном искусстве*, М.—Л., 1950, стр. 96.

усмотреть прообраз позднейших идей легистов, в арсенале которых важнейшим оружием был не закон («фа»), а искусство регулирования («шу»). Нужно сказать, что к этому строю мыслей «Гуань-цзы» был несравненно ближе, чем к формальной идее законности. Для «Гуань-цзы» наиболее ценной идеей было стремление к какому-то идеальному порядку, связанному с высшими нравственными категориями. В этом условном смысле влияние легизма на «Гуань-цзы» сказалось сильнее всего.

Уголовные законы рождались в обстановке острой классовой борьбы. Все усиливавшееся развитие частной собственности встречало упорное сопротивление со стороны неимущих, выражавшееся в разного рода покушениях на собственность. Так называлась среди господствующего класса потребность в санкциях против «нарушителей порядка». Но раз возникнув, закон формально требует, чтобы ему в равной мере подчинялись и сильные и слабые, и богатые и бедные, и власть имущие и рядовые люди. Между тем знатные роды привыкли насильничать и творить всякие беззакония. Поэтому появление уголовных кодексов вызывало большое раздражение в их среде. Раздоры вокруг законодательства тянулись несколько веков. Еще Шан Ян, выступивший с рядом законодательных мероприятий в середине IV в. до н. э., встретил такую оппозицию, что был не в силах с ней справиться и погиб. В этот период легизм был относительно прогрессивным течением. Примерно с IV—III вв. легистское учение начинает служить «тираническому деспотизму рождающейся империи»⁴⁶. До этого между легизмом и даосизмом было немало точек соприкосновения.

Когда появился труд, носивший название «Гуань-цзы», общественная атмосфера была уже насыщена спорами о законах, но легизм не приобрел еще одиозной окраски. Авторы «Гуань-цзы», насколько можно судить по дошедшему до нас тексту трактата, были сторонниками уголовного законодательства, и легистские мотивы в трактате приобрели очень яркую форму и глубокое содержание, благодаря чему и самый трактат стал рассматриваться как сочинение по вопросам права, а произведения этого типа очень легко попадали в разряд легистской литературы. Между тем в настоящее время ясно, что высказывания по правовым вопросам не определяют лица этого трактата. В центре внимания авторов «Гуань-цзы» была экономика.

В течение долгого времени «Гуань-цзы» ни в какой мере и не ассоциировался с легизмом. Он разделял судьбы конфуцианской и даосистской литературы, а совсем не легизма. В период гонений на конфуцианство «Гуань-цзы» не избежал общей участи. Мы знаем, что имеется упоминание о главе 76 «Гуань-цзы», сохранившейся «среди народа» в период сожжения конфуцианских книг, что косвенно подтверждает гибель если не всех, то значительной части

⁴⁶ G. Haloun, *Legalist fragments*., p. 98

глав трактата. Если бы «Гуань-цзы» в то время рассматривался как легистское сочинение, он не подвергся бы репрессиям.

Когда конфуцианство было признано государственным культом (в 141 г. до н. э.), по инициативе Дун Чжун-шу было объявлено, что приверженцы основных мыслителей легистской школы Шэнь Бу-хая, Шан Яна и Хань Фэй-цзы, а также связанных с ними идеологически Су Циня и Чан И (представителей «дипломатической» школы) изгоняются с правительственной службы⁴⁷. «Гуань-цзы» нет в этом проскрипционном списке. Это означает, что еще во времена императора У-ди названный этим именем трактат принадлежал, с точки зрения конфуцианства, к правоверной литературе, и преследование легистов его не затрагивало.

Почему же все-таки трактат «Гуань-цзы» впоследствии был причислен именно к легистским сочинениям? Почему отношение к нему изменилось, и трактат попал в разряд еретических? Несомненно, причина этого в том, что влиятельные легисты ханьского периода во главе с Сан Хун-яном провозгласили Гуань-цзы своим родоначальником. В центре идеологической борьбы стоял в то время (конец II—начало I в. до н. э.) вопрос о монополии на соль и железо. У власти находился один из столпов легизма Сан Хун-ян со своими приспешниками, открыто выдвинувший лозунг обогащения казны. Сан Хун-ян был легистом «новой формации». Для него все виды доходов были хороши независимо от того, из какого источника они происходили. Этот тип чиновников, готовых не оставить камня на камне, лишь бы отыскать новые виды казенных поступлений, был удачно у нас при Петре I заклеямен прозвищем «прибыльщиков».

Сан Хун-ян попытался поставить «Гуань-цзы», что называется, на голову: в то время как в «Гуань-цзы» предлагается использовать доходы от соли и железа, чтобы освободить население от прямых налогов, Сан Хун-ян считал желательным привлечь доходы от соли и железа как обильный добавочный источник, сохраняя нетронутой всю прежнюю систему обложения⁴⁸. Легисты сделали «Гуань-цзы» своим евангелием. Готовность к прославлению идей «Гуань-цзы» давалась им тем легче, что им действительно по душе была мысль, являвшаяся краеугольным камнем всех экономических построений «Гуань-цзы», а именно идея систематического

⁴⁷ Feng Yu-lan, *A short history of Chinese philosophy*, New York, 1948, p. 213

⁴⁸ По-своему любопытно, что трактату пришлось и много позже после Сан Хун-яна претерпеть такое же злонамеренное использование его содержания в интересах политики, с которой у его авторов не было, да и не могло быть ничего общего. Это произошло уже на наших глазах. Не кто иной, как предатель китайского народа Чан Кай-ши с его преступной бандой пытался оправдать ограбление китайского народа ссылками на «Гуань-цзы». Бросается в глаза исключительная неуместность привлечения «Гуань-цзы» с его гуманными идеями избавления народа от тяжести налогов для подкрепления финансовой системы «бюрократического капитала» Чан Кай-ши, построенной на началах грабежа и угнетения.

регулирования правительством всего народного хозяйства. Одновременно они без колебаний отвергали глубокую этическую основу «Гуань-цзы». В санхуняновской трактовке это сочинение стало неприемлемым для конфуцианских вождей.

Поведение Сан Хун-яна вызвало жестокую критику со стороны конфуцианских ученых. Когда в 81 г. до н. э. состоялся диспут о монополиях на соль и железо, организованный представителями правительства с привлечением конфуцианцев, Сан Хун-яну более всего ставилась в вину именно неумеренная погоня за казенными прибылями. Защищаясь, чиновные легисты всемерно использовали «Гуань-цзы», не стесняясь извращать смысл его учения. В конце концов ответственность за грехи Сан Хун-яна и его единомышленников пришлось нести «Гуань-цзы». Если Сан Хун-ян скомпрометировал себя чрезмерным стяжательством, то вина за это возлагалась на «Гуань-цзы». Если Сан Хун-ян окружил себя сомнительными дельцами типа Кун Цзиня и Дун Го, которые, став чиновниками, усердно изобретали все новые и новые налоговые проекты⁴⁹, то пятно этих подозрительных комбинаций оставалось на «Гуань-цзы».

Отношение китайских ученых к этому памятнику так переменялось, что впоследствии «Гуань-цзы» был перенесен из лагеря даосистов в стан легистов. Это произошло, по-видимому, в первой половине VI в., когда впервые «Гуань-цзы» был причислен к легистским сочинениям⁵⁰. Понадобилось, таким образом, много веков, прежде чем удалось убедить китайских каталогизаторов в целесообразности такого переключения. Нужно все же признать, что даже и в современном виде «Гуань-цзы» не заслуживает ярлыка легистского трактата. Ниже будет показано, что современные китайские авторы отнюдь не склонны отводить «Гуань-цзы» какое-нибудь место в истории развития легистской доктрины.

Возвращаясь, однако, к истории формирования и изучения текста «Гуань-цзы». Серьезным этапом в этой истории был момент, когда известные ученые Лю Сян и его сын Лю Синь на грани нашей эры, занимаясь приведением в порядок классического наследия, проверили, в частности, и текст «Гуань-цзы», отнеся его все же к даосским авторам.

Сохранился интересный мемориал Лю Сяна о «Гуань-цзы», в котором приводятся слова одного крупного чиновника того времени: «Я читал тетради господина Гуаня под названием „Пастыри народа“, „Высокие горы“, „Платежная единица: колесница и конь“, „О стабилизации“ и „9 казнохранилищ“ [9 ведомств]. С какой полнотой он обсуждает эти вопросы!»⁵¹.

⁴⁹ По свидетельству летописца, когда эти люди собирались вокруг Сан Хун-яна, они доходили в своих калькуляциях до таких тонкостей, что способны были «расщепить волос».

⁵⁰ P. van der Loon, *On the transmission of Kuan-tzu* («T'oung Pao», vol. XLI, livr. 4—5, Leiden, 1952), p. 367.

⁵¹ Ibid, p. 360—362 — Фан-дер-Лун неправильно перевел «чэн-ма», как

Эти указания представляют для нас большую ценность. Они свидетельствуют прежде всего о том, что в ханьские времена главным содержанием трактата «Гуань-цзы» была экономика. Обе последние тетради — «О стабилизации» и «9 казнохранилищ» — были посвящены вопросам государственного регулирования хозяйства. В разделе «Чэн-ма» («Колесница и конь»), очевидно, речь шла о повинностях населения. Очень интересно также наличие раздела «О высоких горах». Ниже будет показано, что физико-географическая специфика района, в котором было расположено княжество Ци, а именно сочетание в нем высоких гор с равнинами и болотами, предопределяла в значительной мере и особенности экономической политики этого княжества. Наконец, пятая тетрадь — «Пастыри народа», насколько можно судить по первым главам современного «Гуань-цзы» (первая глава так и называется: «Пастыри народа»), должна была рассматривать вопросы социально-этического воспитания масс. Все это говорит о том, что правовым вопросам было уделено в ханьском корпусе трактата гораздо меньше внимания, чем в более поздних редакциях, а на переднем плане была экономика.

Следует также отметить архитектурные отличия современного «Гуань-цзы» от памятника ханьских времен. В то время существовали особые сочинения, которые, по-видимому, обращались отдельно, хотя и приписывались одному автору, и лишь постепенно были объединены. Следы такого механического объединения обнаруживаются в современной редакции «Гуань-цзы», главы которого нередко следуют друг за другом без видимой связи между ними по содержанию.

В связи с новейшей тенденцией определять время написания каждой главы «Гуань-цзы» нередко большие расхождения как при установлении эпохи, нашедшей отражение в той или иной главе, так и в оценке основных концепций, в них выраженных. Поэтому весьма важен серьезный критический анализ трактата, основанный на всестороннем его изучении. Образцовым является исследование Го Мо-жо главы 35 «Гуань-цзы» — «О расточительстве»⁵². На основе глубокого изучения философии и истории древнего Китая в сочетании с тщательным анализом текста Го Мо-жо устанавливает, что глава «О расточительстве» написана несколько позже 190 г. до н. э. и что идеологически она сближается с воззрениями Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы и Ли Сы.

Го Мо-жо удачно выбирает в качестве исходного пункта для своих выводов две выдержки из главы «О расточительстве». Одна из них говорит о приходе впервые в Китае к власти женщины, а

teams of horses. Из последующего изложения будет ясно, что «чэн-ма» — это «территориальная платежная единица» (см. о ней ниже). В Панасюк перевел даже: «О верховой езде» (см.: Сыма Цянь, *Избранное*, М., 1956, стр. 54), что еще дальше от подлинника, чем версия Фан-дер-Луна.

⁵² 郭沫若, 侈靡篇的研究, 《历史研究》, 1954, № 3.

вторая отражает торжество железа над бронзой⁵³. Го Мо-жо напоминает, что императрица Люй Хоу правила с 187 г. до н. э. Примерно к тому же времени можно отнести переход от бронзового оружия к железному, что не могло не отразиться соответственно на цене обоих металлов. Этими данными определяется примерное время написания главы «О расточительстве». Го Мо-жо говорит также о том, что в этой главе упоминается широко распространенная впоследствии теория пяти элементов в связи с древнекитайским учением «о светлом и темном началах», которую Го Мо-жо считает произведением конфуцианской мысли, возводя ее к Цзы Сы и Мэн-цзы.

Далее, Го Мо-жо правильно подчеркивает, что глава «О расточительстве» имеет в основном экономическое содержание. Борьба против расточительства неразрывно связана с преследованиями торгового класса. Го Мо-жо доказывает, что «Гуань-цзы» не был решительным врагом торговли: его позиция ближе к терпимости в отношении торговли циньского времени, чем к воинствующим антиторговым мероприятиям Хань. Анализируя основные концепции «Гуань-цзы», Го Мо-жо сближает их с мировоззрением Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы и Ли Сы, которые прокладывают путь от конфуцианства к легизму.

Отдельные положения Го Мо-жо могут вызвать некоторые разногласия, но примененный им метод научного анализа правильно намечает направление дальнейшей работы над «Гуань-цзы». Когда-то многое в этом труде отпугивало исследователя, казалось непостижимым, выходящим за рамки привычного научного мышления. Теперь уже ясно, что вина за то, что мы все еще так мало понимаем и ценим «Гуань-цзы», лежит не на авторах этого произведения, а на недостаточном знакомстве с ним. Исследование, произведенное Го Мо-жо, показывает, по какому пути предстоит двигаться.

На основании сказанного, историю труда «Гуань-цзы» можно резюмировать следующим образом. Гуань Чжун не мог быть его автором. Трактат вошел в литературное обращение в IV—III вв. до н. э. в виде нескольких сочинений, впоследствии объединенных. Некоторые его части могли возникнуть и позже: в начале II в. до н. э. Сначала его идеи, по-видимому, не получили особенного отклика, — насколько можно судить по литературе того времени. Период наибольшего общественного звучания экономических воззрений «Гуань-цзы» — это первый век до нашей эры. Некоторые его идеи, таким образом, опередили свою эпоху на 250—300 лет. Возможно, что текст трактата подвергся изменениям на протяжении веков, но основное содержание его сохранилось.

Скажем теперь об экономическом мировоззрении, лежащем в основе трактата «Гуань-цзы». Этот трактат и произведение Мэн-цзы появились и стали доступными китайскому читателю почти

⁵³ Там же, стр. 57.

одновременно: во второй половине IV или начале III в. до н. э. В них нашли выражение две антагонистические концепции, которые в условиях классовой борьбы древнекитайского общества должны были неизбежно прийти в острое столкновение.

Экономическая программа конфуцианцев выглядела очень архаической. Идеалом конфуцианцев была небольшая община, живущая в условиях коллективного земледелия и соседской взаимопомощи (системы «земельных квадратов» или «квадратных полей» — «цзинтянь»). Жители общины наделяются одинаковыми земельными участками. Ими руководит небольшая группа духовных наставников — проповедников конфуцианской доктрины, видящих свое призвание в том, чтобы быть учителями нравственного поведения, поклонниками старины, которую они неустанно изучают и передают другим.

В этой миниатюрной общине все подчиняется только нравственным нормам («ли»), так как в ее пределах потребности в издании законов еще нет. Аграрная программа «квадратных полей» органически сочетается у конфуцианцев с поведением на основе «ли». Конфуцианцы потому и сохраняют допотопный идеал «квадратных полей», что только при таком примитивном хозяйственном строе можно обходиться без писаного закона. Они как бы не хотят замечать, что выдвигают эту устарелую программу в условиях довольно развитого классового общества, когда возврата к идиллическому равенству первобытной общины уже не может быть. Верные консервативным началам своей философии, они не думают отказываться ни от системы квадратных полей, ни от регулирования общественной жизни одними только нравственными нормами. Они пытаются решить заведомо безнадежную задачу: вдохнуть новую жизнь в свой омертвевший идеал, перестроив его в интересах феодальной знати. Квадратные поля должны служить теперь целям не наделения землей, а прикрепления к ней, а нравственные нормы «ли» постепенно приобретают характер жестких правил поведения, неспособных эластично приспособляться к потребностям жизни.

Но оставаться глухими к происходящим в обществе сдвигам конфуцианцы не могли. Отсюда двойственность у Мэн-цзы. Как будет показано в своем месте, рядом с настойчивой проповедью «равенства» квадратных полей у него идет развитие идеи наделения землей всей феодальной аристократии и всех чиновников «по рангам и чинам», так что от первоначального равенства системы «цзинтянь» не остается и следа.

Таким образом, Мэн-цзы одновременно старается и отдать дань конфуцианскому преклонению перед седой стариной, разрывая в идиллическом духе систему «квадратных полей», и в то же время не забывать об интересах феодальной знати, выражая стремлений которой он был, выдвигая противоречащий системе «квадратных полей» идеал присвоения земли феодалами в масштабах, соответствующих их социально-политической власти.

Мое истолкование экономических идеалов конфуцианства значительно расходится с пониманием этой системы в упоминавшемся уже труде Чжэнь Хуань-чжана. Как уже сказано, Чжэнь Хуань-чжан трактует экономические взгляды конфуцианства, как «социализм».

Он считает основой экономического учения конфуцианства то, что «правительственное вмешательство необходимо для экономической жизни, и конкуренция должна быть сведена к минимуму». Идеал конфуцианства, в его представлении, это — равномерное распределение богатств. Всеобщее равенство, равные возможности для всех и экономическая свобода — таковы краеугольные камни экономических построений конфуцианства. Конфуций осуждает «классовую систему, монополии, тарифы». Вместе с тем народ должен получить наибольшие шансы для развития своих природных возможностей. Чжэнь Хуань-чжан советует понять, что конфуцианский «социализм» является двусторонним, он проповедует и «социальное законодательство», и политику невмешательства⁵⁴. Учение Конфуция о международной торговле, по словам Чжэнь Хуань-чжана, является крайней доктриной фритредерства. Для Мэн-цзы таможи — «органы насилия». Их деятельность он сравнивает однажды с ... воровством домашней птицы⁵⁵.

Особенно противоречиво излагает Чжэнь Хуань-чжан систему квадратных полей. Он причисляет ее к «социалистическим» устоям конфуцианства: «На деле система цзинтянь является специфической формой кооперированного производства»⁵⁶. Для конфуцианства, по мнению Чжэнь Хуань-чжана, эта система не только устанавливает начала распределения земли, но и является основной решительно всего⁵⁷. «Во многих существенных идеях система цзинтянь подобна современному социализму... При системе цзинтянь народ не имеет собственности даже на свои дома и вся его экономическая жизнь регулируется государством»⁵⁸. Однако это лишь одна сторона дела. Пусть земля при этой системе распределена равномерно, но, замечает Чжэнь Хуань-чжан, неравенство все равно существует из-за частной собственности на другие средства производства, помимо земли.

Внутреннюю противоречивость экономической системы конфуцианства Чжэнь Хуань-чжан даже как будто ставит в заслугу этому направлению мысли. Конфуцианство для него — «золотая середина», и поэтому оно не допускает крайностей. Вспоминая известную дискуссию о соли и железе в 81 г. до н. э., Чжэнь Хуань-чжан заявляет, что оппоненты Сан Хун-яна в этой дискуссии «были хорошими учеными и строгими конфуцианцами. Их аргументация основывалась на этическом учении, согласно которому прави-

тельство не должно участвовать в коммерческой деятельности, и они были на стороне земледелия больше, чем промышленности. Но конфуцианство является великой философией, чьи принципы говорят в пользу обеих сторон, так что Сан Хун-ян основывал свои аргументы также на конфуцианстве»⁵⁹. Таким образом, не будучи в состоянии преодолеть внутренние противоречия конфуцианской системы, Чжэнь Хуань-чжан готов эклектически соединить их в непримиренном виде. В действительности, как я пытался показать, дело было совсем иным. Система «квадратных полей» была идеологическим украшением, нужным лишь для того, чтобы сохранить идейное господство конфуцианцев в упрощенном мире, управляемом при помощи нравственной нормы «ли», тогда как для реальной действительности выдвигался идеал неравномерного наделения землей в соответствии с чинами и рангами феодальной иерархии. Не было, как мы увидим, никакого коллективного земледелия. Даже при равных полях было неизбежно неравенство имущественного достоинства. Конфуцианцы откровенно защищали интересы феодальной знати, и поэтому их никак нельзя заподозрить в «социализме». Их никак нельзя заподозрить и в том, что они «отвергли классовое начало»⁶⁰. Наоборот, именно это начало лежало в основе всего их учения о «выправлении имен».

Обращаясь теперь к экономической системе «Гуань-цзы». Она смотрит не в прошлое, а в будущее. Она предполагает рост горных промыслов, рыночной экономики, денежного оборота. Один из главных мотивов трактата — защитить земледельцев от эксплуатации купцов-спекулянтов, наживающихся на колебаниях рыночных цен. Система «Гуань-цзы» направлена против торговцев и в пользу непосредственных производителей.

Метод, который особенно охотно рекомендует «Гуань-цзы», это — государственное регулирование всей экономики. Ниже будет подробно объяснено, что целью этого правительственного регулирования экономики была стабилизация хозяйства, которая мыслилась в форме устойчивой системы цен. Рыночные колебания цен шли на пользу торговцам-спекулянтам, тогда как от стабилизации цен, по мнению авторов «Гуань-цзы», выигрывали и народные массы, и казначейство.

Вмешательство правительства в народнохозяйственную жизнь идет у «Гуань-цзы» в двух направлениях, которые следует строго различать. Первое из них связано со стремлением максимально использовать горные богатства страны для улучшения положения земледельцев. Как увидим в дальнейшем изложении, труд «Гуань-цзы» на этом основании считается источником пропаганды казенных монополий, тогда как в действительности у «Гуань-цзы» можно найти скорее обоснование перенесения центра тяжести обложения на горные богатства и создаваемые ими при-

⁵⁴ Chen Huan-chang, *The economic principles of Confucius*..., p. 175.

⁵⁵ Ibid., p. 153.

⁵⁶ Ibid., p. 504.

⁵⁷ Ibid., p. 531.

⁵⁸ Ibid., p. 532.

⁵⁹ Ibid., p. 557.

⁶⁰ Ibid.

были. Речь шла в сущности о том, чтобы заменить подушную подать, налог с домов, со скота и т. д. надбавкой к цене соли или железа. Авторам «Гуань-цзы» казалось, что эту надбавку уплатят купцы-спекулянты, против которых и был направлен в первую очередь труд «Гуань-цзы». К тому же идея государственного регулирования экономики, а именно стремление к «взятию гор и морей в казну», была у «Гуань-цзы» вторичным, производным и приковала к себе наибольшее внимание в позднейшей литературе лишь из-за применения ее в государственной политике Сан Хун-яна.

Несравненно важнее было второе направление: идея формирования государственных запасов в целях выравнивания цен. Если монополии или обложение соли и железа были одиозными в глазах конфуцианцев, то стабилизация цен встречала в древнем Китае гораздо большее сочувствие. Она была направлена своим острием против торговцев. Лишь по недоразумению можно связывать «Гуань-цзы» с классовыми интересами торговцев.

Естественно, что в тех социальных условиях, для которых авторы «Гуань-цзы» создавали свою систему, правовое регулирование общественной жизни должно было оказаться несравненно сложнее, чем в рамках примитивной деревенской общины, к которой апеллировали конфуцианцы. Авторы «Гуань-цзы» отнюдь не собирались жертвовать «ли». Но для более сложной конституции общества у «Гуань-цзы» государственной власти необходимо было опираться и на законодательные начала, и на искусство регулирования, и на какие-то общие принципы экономической политики.

Таким образом, во всех отношениях рассуждения Мэн-цзы звучат так, словно они относятся совсем к другой эпохе, чем «Гуань-цзы». Однако на деле никакого разрыва во времени между этими двумя памятниками нет. Нельзя объяснить большую примитивность Мэн-цзы в экономических и правовых вопросах и тем, что оба трактата писались в княжествах, стоявших на неодинаковом уровне народнохозяйственного развития (княжество Ци было передовым). Главное заключалось в том, что, как уже объяснено выше, одна экономическая концепция — конфуцианство — ухидла своими корнями в прошлое, что придавало ей архаический вид, тогда как другая — Гуань-цзы — питалась самыми передовыми идеями своего времени и поэтому выходит далеко вперед за рамки эпохи.

Экономическое мировоззрение конфуцианцев кажется упрощенным по сравнению с «Гуань-цзы» еще и потому, что их программа сводится к минимальному вмешательству государственных органов в экономическую жизнь, вследствие чего эта программа крайне бедна конкретным содержанием. Эту сторону экономических взглядов конфуцианцев лучше всего выразил Сыма Цянь в главе 129 «Исторических записей». По его словам, общество ждет того, что крестьянин будет снабжать его пищей, работающие в

лесу — продукцией горных районов, ремесленники — промышленными изделиями, торговцы — предметами обмена. Зачем при таких условиях нужны мобилизации на трудовые повинности и в армию со стороны правительства? Каждый и без того напрягает до крайности свои способности, чтобы добиться максимума того, что желает. Когда товары дешевы, продавцы направляются в другие места, чтобы получить более высокие цены; когда товары дороги, покупатели ищут мест, где можно купить подешевле. Таким образом, «каждый получает поощрение в своем занятии и находит удовольствие в том, что он предпринимает». Подобно тому как вода днем и ночью течет вниз, не зная покоя, так и человек производит продукты. Все эти действия являются результатом закономерности («дао»)⁶¹.

Это рассуждение, столь характерное для конфуцианства, строго выдержано в духе невмешательства в экономику. В противоречии с этим началом у конфуцианцев, казалось бы, стоит только система «квадратных полей», но традиция наделения земель так прочно вошла в плоть и кровь общественной жизни древнего Китая, что как-то не нарушала целостности нарисованной Сыма Цянем картины мнимого всеобщего благополучия в результате свободной деятельности каждого.

Совсем в ином духе выдержана экономическая система «Гуань-цзы». Она требовала гибкого приспособления к изменениям хозяйственной обстановки, постоянного изобретательства. В условиях повседневного вмешательства в экономику не могла выработаться рутинная, каждый день нужно было прибегать к новым распоряжениям, декретам, указам, т. е. к новому регулированию. Вот почему система «Гуань-цзы» кажется прямой противоположностью конфуцианским идеалам Мэн-цзы.

Положительные стороны экономического трактата «Гуань-цзы» можно резюмировать в следующих основных положениях.

1. Вся работа от начала до конца проникнута идеей закономерности общественной жизни. Даже там, где авторы рассматривают какой-нибудь конкретный вопрос, он лишь иллюстрирует общие положения. Каждое экономическое явление в представлении авторов «Гуань-цзы» имеет свою норму, и любое отклонение от нормы мстит за себя тяжелыми потрясениями. Наоборот, если явления соответствуют норме, экономика в целом приобретает устойчивость.

2. Для «Гуань-цзы» характерен метод рассмотрения народного хозяйства в целом. Такой анализ является весьма плодотворным у «Гуань-цзы», особенно когда при анализе рыночной экономики противопоставляются товарная и денежная массы, когда предполагается, что цены товаров и денег всегда движутся в обратном на-

⁶¹ N. L. Swann, *Food and money in ancient China, the earliest economic history of China to A. D. 25*, Princeton, 1950, p. 421.

правлении: повышение уровня товарных цен означает падение цены денег, и наоборот. В Европе, как известно, такие экономические понятия, как «товарная масса» и «денежная масса», появляются на много веков позднее.

3. Сочинение «Гуань-цзы» чутко отражает народнохозяйственный прогресс. В период, когда авторы «Гуань-цзы» писали свой труд, в Китае была модной пропаганда аскетизма в потреблении, который проповедовали, несмотря на различия социальных позиций, и Конфуций, и Мо-цзы, и Лао-цзы. Последний заходил столь далеко, что требовал не только сокращения материального потребления, но и борьбы с развитием культуры, восставая против ненужного искусства мастеров. У Чжуан-цзы современные авторы находят даже своего рода «антиэкономизм», пренебрежение экономическими явлениями. Интересно, что Чжуан-цзы отстаивает материальную культуру, основанную на дереве, против железной, которая в наших глазах тесно связана с «Гуань-цзы»⁶².

Авторы «Гуань-цзы», наоборот, стремятся к использованию всех возможностей, открывающихся благодаря техническому прогрессу. Их идеал — возможно более разнообразное и богатое потребление. Они постоянно заботятся о том, чтобы заставить горные богатства страны служить нуждам народа.

4. Пэн Синь-вэй отмечено выдающееся место трактата в истории теории денег⁶³. В нем впервые отчетливо указана роль денег как орудия обращения и как измерителя цен, в «Гуань-цзы» впервые мы находим суждения о соотношении цены денег и цены товаров. В этом труде нетрудно заметить отчетливое понимание влияния выпуска денег на их покупательную силу. Поэтому в «Гуань-цзы» и выдвигается необычайно смелая для своего времени мысль о стабилизации товарных цен при помощи выпуска денег. Для «Гуань-цзы» является аксиомой, что дешевизна товаров означает дороговизну денег и наоборот. «Если хлеб дорог, то желтый металл (золото) дешев, если желтый металл дорог, то хлеб дешев». И в другом месте: «Если деньги дороги — это значит, что товары (у „Гуань-цзы“ — „10 тысяч вещей“) дешевы, если деньги дешевы — это значит, что товары дороги». Трактат «Гуань-цзы» поражает современного читателя отчетливым анализом законов рыночной экономики.

5. Вместе с тем авторам «Гуань-цзы» совершенно чуждо преклонение перед драгоценными металлами, жажда накопления золота. Для них реальное богатство лишь товары, непосредственно пригодные для потребления. Для «Гуань-цзы» высшей заповедью экономической политики является стремление к тому, чтобы товарные цены были низки, а уровень благосостояния был высок. В «Гуань-цзы» (гл. 76) прямо сказано: «Если благ недостаточно, то

⁶² См.: Ян Юн-го, *История древнекитайской идеологии*, М., 1957, стр. 259 и сл. — Автор посвящает особую главу у Чжуан-цзы тому, что он называет 反經濟點

⁶³ Пэн Синь-вэй, *Чжунго хоби ши*, стр. 50 и сл.

хотя бы золота и жемчуга было много, мы называем такое государство бедным».

6. Синтез всех этих достоинств трактата «Гуань-цзы» в его гуманной экономической политике. В цитированном нами мемориале Лю Сюня сказано: «Все книги господина Гуаня ставят своей целью сделать государство богатым и народ — довольным». Такую же оценку можно встретить и в последующие века.

Однако при всей новизне и увлекательности идей «Гуань-цзы» для тогдашнего китайского общества, они не смогли бы приобрести большой исторической силы, если бы оставались лишь теоретическим чертежом, не получившим никакого воплощения в жизни. В действительности было не так. Иногда экономические рецепты «Гуань-цзы» пытались (например, Сан Хун-ян, Ван Ман, Лю Ань, Ван Ань-ши⁶⁴) провести в жизнь с большой полнотой, иногда пользовались лишь одной из идей трактата, но во всяком случае его влияние на китайскую экономическую мысль не иссякало до конца. Уже в «Цяньханьшу» упоминаются политические деятели, проводившие на практике идеи регулирования хозяйства в целях стабилизации, причем во главе их стоит Гуань-цзы. Для нас особенно интересен Гэн Шоу-чан, с чьим именем соединяется учреждение в 54 г. до н. э. так называемых «постоянных хлебохранилищ». Нетрудно усмотреть тесную связь идей «Гуань-цзы» с этой системой. В те времена ежегодно из восточных районов страны перевозилось большое количество хлеба в столицу (Чанъань, ныне Сиань). Эта громоздкая транспортная операция производилась по водным путям и требовала участия примерно 60 тыс. человек. Вместо этого Гэн Шоу-чан предложил создать сеть хлебохранилищ. Задачи их излагаются следующим образом: «Когда цена зерна была низкой, они должны были покупать его по нормальной цене, превышавшей рыночную, чтобы принести выгоду земледельцу. Когда цена была высокой, они должны были продавать его по нормальной цене, чтобы принести выгоду потребителю». Такова была столь близкая к «Гуань-цзы» идея «постоянного хлебохранилища»⁶⁵.

Уже институт хлебохранилищ, при всех извращениях его в практике жизни, показывает огромное влияние трактата на экономическую жизнь страны в течение многих веков. Столь же значительно и созданное им направление регулирования хозяйства (напомним хотя бы мероприятия по стабилизации при Лю Ане и Ван Ань-ши). Возникали все новые и новые идеи в целях устранения колебаний цен, выгодных в конечном счете только крупным торговцам. Уже Сан Хун-ян провел монополизацию транспорта, чтобы иметь возможность перебрасывать поступления по налогам (в натуре) из районов, где цены на эти товары стояли низкие, туда,

⁶⁴ Нельзя, конечно, упускать из вида, что каждый из них использовал систему «Гуань-цзы» по-своему. Мне важно в данной связи отметить только само влияние трактата.

⁶⁵ Chen Huan-chang, *The economic principles of Confucius...*, p. 572.

где можно было реализовать это казенное достояние по высоким ценам. Лю Ань усовершенствовал эту систему, соединив ее с информационной службой по состоянию рынка и цен на местах. Используя «лучших скороходов», Лю Ань получал якобы через четыре-пять дней нужные ему сведения по этой части даже из отдаленных уголков империи. Каждые десять дней прибывали данные о состоянии погоды в любом районе. Это было в VIII в. Пользуясь всей этой информацией в сочетании с транспортной монополией, Лю Ань приобрел контроль над природными ресурсами (в первую очередь — солью), вытеснял крупных купцов, добивался устойчивости цен и высоких прибылей для правительства⁶⁶.

Важнейшей мерой, осуществленной Ван Ань-ши (XI в.) в добавление к системе Лю Аня, было введение государственных ломбардных операций. «При закладе имеющих сбыт благ народу разрешалось занимать деньги или покупать правительственные товары в кредит, в соответствии со стоимостью их закладов»⁶⁷. По этим займам взималось 20% годовых. Все товары, на которые не было немедленного спроса со стороны купцов, но которые могли быть сохранены, не подвергаясь порче, приобретались чиновниками для казенных складов. Казенные склады торговали при Ван Ань-ши даже такими товарами, как лед (?), кунжут и фрукты. Эти учреждения могли приобретать у купцов желательные им товары в полупринудительном порядке. Подобные операции производились только в столице, и купцы, чтобы избежать участия в них, стали искать новых географических путей для проталкивания своих товаров⁶⁸.

Как ни различны все эти экономические мероприятия китайского государства и сколь ни велики были сроки между временем их осуществления («постоянное хлебохранилище» Гэн Шоучана — I в. до н. э., система Ван Ань-ши — XI в. н. э.), можно проследить их родство с идеями «Гуань-цзы». Экономическое мировоззрение «Гуань-цзы» сыграло выдающуюся роль в китайской истории не только как система мысли, но и как направление экономической политики. Однако те же самые конфуцианские идеологи, которые отнеслись так враждебно к системе взглядов «Гуань-цзы», признав их «легистскими» и потому еретическими, оказались причиной того, что идеологическая связь между «Гуань-цзы», с одной стороны, и всеми этими мероприятиями вроде существовавшей много веков подряд системы «постоянных хлебохранилищ» и реформ Ван Мана, Лю Аня и Ван Ань-ши, с другой стороны, оказалась позабытой. Все эти деятели, строившие свои реформы на основе принципа правительственного овладения рынком при помощи формирования запасов, заимствованного целиком из

⁶⁶ Ibid., p. 559—560.

⁶⁷ Ibid., p. 566.

⁶⁸ Ibid., p. 567.

«Гуань-цзы», уже не могли открыто признать первоисточником своей политики «Гуань-цзы», так как это стало небезопасным.

Ван Ань-ши, как известно, очень оскорблялся сопоставлением своего имени с Сан Хун-яном, так как считал важнейшим своим отличием от Сан Хун-яна, что он, Ван Ань-ши, заботился только о благе народа, тогда как Сан Хун-ян гонялся за прибылью⁶⁹, а «Гуань-цзы» нес, так сказать, с Сан Хун-яном солидарную ответственность.

Однако в одном частном письме Ван Ань-ши сам признавал, что забота об улучшении финансов совсем не означает непременно погони за прибылями. Ведь половина «Чжоули» — объясняет он свою позицию — посвящена финансовым вопросам. Однако это совсем еще не значит, что в «Чжоули» можно усмотреть какую-то апологию барышничества.

Основные идеи регулирования хозяйства в «Чжоули» и в «Гуань-цзы» в сущности одни и те же, с той лишь разницей, что в «Гуань-цзы» они изложены с большей философской глубиной. Если, тем не менее, Ван Ань-ши счел необходимым отречься от «Гуань-цзы» и опираться на комментированный им самим текст «Чжоули», то это объясняется, по-видимому, тем, что «Гуань-цзы» считался во времена Ван Ань-ши еретическим произведением, тогда как «Чжоули» все же сохраняло за собой авторитет ее мнимого автора — Чжоу Гуна, хотя на деле появилось на много веков позднее его смерти.

Исторический парадокс заключался в том, что такие реформаторы легистского стиля, как Ван Ань-ши, жившие в эпоху, когда нельзя было без риска открыто выступать против конфуцианских классических книг, вынуждены были объявить себя конфуцианцами и любителями древности. Среди книг, которые они могли использовать для обоснования своей экономической политики, только одна «Чжоули», которую все же терпели среди книг конфуцианского канона, могла служить их целям. Этим и объясняется известная популярность «Чжоули». Между тем, если руководствоваться не буквой, а существом дела, нужно признать, что «Гуань-цзы» по духу даже ближе к конфуцианскому учению, чем «Чжоули». Но еретическое клеймо, стоявшее на «Гуань-цзы», преграждало возможность обращаться к нему в качестве первоисточника.

Попробую теперь установить, интересы какого общественного класса отстаивались в «Гуань-цзы». Разумеется, речь идет о классовых симпатиях той группы лиц, которая, пользуясь именем Гуань Чжуна, выступала примерно на рубеже периодов Чуньцю и Чжаньго с изложением своих экономических взглядов. Судить об их социальном мировоззрении, разумеется, можно только на основании текста самого трактата.

Ян Хин-шун попробовал определить расстановку классовых

⁶⁹ H. R. Williamson, *Wang An Shih, a chinese statesman and educationalist of the Sung dynasty*, vol. I, London, 1935, p. 159—160.

сил и ее отражение в идеологиях для второй половины эпохи Чжоу⁷⁰. Он выделил три основные группы. Философское учение Лао-цзы он рассматривает как идеологию угнетенных масс, мечтавших о возврате к первобытной общине. При этом «в учении Лао-цзы социальное обличение господствующих эксплуататорских классов сочетается с его реакционной утопией»⁷¹. Школу Конфуция он считает выразительницей интересов старой аристократической знати, преимущественно из среды разорившихся домов. В отношении классовой позиции легистов он дает такую характеристику: «Рабовладельцы, богачи-купцы, появившиеся в поздний период Чжоу, требовали ликвидации общинного землевладения, установления частной собственности на землю и объединения всей страны при помощи оружия. Их представителями были сторонники школы „фа-цзя“, которые в государственном законодательстве видели единственное средство избавления общества от хаотического состояния и внутренних войн»⁷². Несмотря на то что Ян Хин-шун относит сторонникам Лао-цзы и легистам совершенно разные места на лестнице социальной иерархии, он все же отмечает, что «учение Лао-цзы оказало большое влияние на школу так называемых „фа-цзя“ (законников)... Школа „фа-цзя“ положила в основу своей теоретической и практической деятельности учение Лао-цзы о дао»⁷³. Но ведь невозможно забыть о том, что учение о дао — это центральный узловой пункт всей доктрины Лао-цзы. Таким образом, восприятие этого принципа школой легистов не могло не перебросить мост (если не в целом, то в ряде существенных вопросов) между обеими школами мысли.

В западноевропейской китаистической литературе Этьен Балаж выступил с интересной статьей о социальном кризисе и политической философии в конце Хань, в которой также по-своему дана классовая характеристика учений рассматриваемой эпохи. По его мнению, доктрина «фа-цзя», которая продолжала играть роль одной из ведущих идеологий в конце Хань, претерпела значительную эволюцию по сравнению со временем Шан Яна. Это была уже третья фаза в развитии легистских идей: первая фаза началась с появлением уголовных кодексов, вторая наступила с централизацией Китая, когда у власти стояли такие люди, как Ли Сы, Сан Хун-ян и другие, о третьей как раз и говорит Балаж⁷⁴. В период 150—250 гг. н. э. появляются красочные фигуры легистов, выступающих горячими обличителями общественных групп, проводящих время в праздности и роскоши, а один из них, Чжун Чан-тун, отстаивает необходимость — во имя Великого Мира — возвращения к системе квадратных полей, означавшей «равное распреде-

⁷⁰ Ян Хин-шун, *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение*, стр. 28.

⁷¹ Там же, стр. 82.

⁷² Там же, стр. 29.

⁷³ Там же, стр. 9.

⁷⁴ Etienne Balázs, *La crise sociale et la philosophie politique à la fin des Han* («Toung Pao», vol. XXXIX, livr. 1—3, 1949), p. 126.

ление земли». Анализируя классовую позицию сторонников Лао-цзы, Балаж отмечает их связь с мелким чиновничеством в отставке, мечтающим еще о возврате к службе: «Они почти всегда обладают корнями в крестьянской земле». Пользуясь терминологией Балажа, «положительные радикалы и реалисты» (имеются в виду «фа-цзя») происходят из той же среды, но они тесно связаны с людьми практики — военными, коммерсантами, техниками и постоянно помогают решать проблемы администрации, крупных общественных сооружений, пограничной обороны и пр.⁷⁵.

Таким образом, если руководиться приведенными данными, можно прийти к выводу, что, во-первых, доктрина легистов изменяла свое социальное содержание на протяжении веков, что, во-вторых, она была тесно связана в идейном отношении с даосизмом и, в-третьих, что она не теряла известного контакта с крестьянскими массами. К этому можно прибавить, что группа легистов неоднородна в социальном отношении. В нее входили представители различных оттенков мысли, отступавшие более или менее значительно от основного содержания доктрины. Наконец, важнейшее: авторы «Гуань-цзы» не были в конце концов легистами. Они стояли на особой своеобразной социальной позиции. Характеристика Ян Хин-шуна, возможно, вполне подходит к легизму второй фазы, но она не может относиться к «Гуань-цзы». Воззрения «Гуань-цзы» не должны нести ответственности за классовые симпатии Сан Хун-яна. Нельзя также не отметить, что на всем протяжении «Гуань-цзы» нет мест, которые свидетельствовали бы о его связях с рабовладельческой аристократией.

Благодаря критическим усилиям ряда современных китаистов возникла за последнее время новая, свежая струя в вопросе о социальной природе некоторых течений древнекитайской литературы. Пересмотрены уже наши позиции в отношении Лао-цзы, Сюнь-цзы, Сыма Цяня. Мы приближаемся, по-видимому, к необходимости внесения какого-то обобщения в наши суждения по этому вопросу. Должны быть отмечены два наиболее важных пункта, выдвинутых в процессе этого обсуждения: 1) признание стихийной тяги ряда писателей древнего Китая к материализму и 2) наличие у многих авторов того времени живого интереса к нуждам и положению земледельцев. В сочетании оба эти элемента бесспорно создают впечатление прогрессивности известной части идеологий древнекитайской литературы. Разумеется, не следует расширять значение этого вывода. Так, например, конфуцианство остается в наших глазах идеологией феодальной верхушки древнекитайского общества, хотя отдельные его представители (в лице, например, Сюнь-цзы) пробовали внести прогрессивные начала в каноническое конфуцианство. Во всяком случае, всестороннее обсуждение экономического положения народа нельзя не поставить в актив именно древнекитайской социально-экономической мысли.

⁷⁵ Ibid., p. 95.

В древнекитайской литературе стало даже общим правилом гневно обличать «чрезмерную» эксплуатацию народа. Так, сурово порицал княжеское и чиновничье стяжание и гибельную для народа тяжесть налогов даже такой защитник интересов аристократии, как Мэн-цзы. Но у него это — лишь классовая маскировка, вызванная господствующим убеждением в безнравственности чрезмерного угнетения и разорения народа, убеждением, которому он вынужден покориться. Совсем иного характера взгляды Сюнь-цзы. Хорошо известно, что Сюнь-цзы считался в течение долгого времени одним из столпов конфуцианства. Однако у него мы не найдем прямолинейного отстаивания классовых позиций знати, которое так отчетливо выражено у Мэн-цзы. У Сюнь-цзы прежде всего чувствуется иная философская основа. Этот ученый был уже охарактеризован в нашей литературе как «выдающийся материалист» в связи с тем, что для него «судьба» людей не определяется «велением неба», а зависит от них самих⁷⁶. Го Мо-жо очень удачно отметил особенности понятия «народ» у Сюнь-цзы в отличие от других крупных представителей школы Конфуция, вплоть до Мэн-цзы. В понятие «народ» или «сто семейств» у него не входят не только ученые-чиновники, но также ремесленники и торговцы. При четырехчленном классовом делении народа и при исключении трех только что указанных элементов остается только один, а именно земледельцы. Другими словами, народ, об интересах которого печется Сюнь-цзы, — это земледельцы. Го Мо-жо приводит ряд ярких выдержек из сочинений Сюнь-цзы, которые вполне подтверждают его точку зрения. Воспроизведу из них несколько мест: «Если государь ценит заслуги, то такое государство бедно, если государь ценит выгоду, то такое государство бедно, если „шидафу“ (чиновники) скопляются, то такое государство бедно, если ремесленники и торговцы скопляются, то такое государство бедно, если цифровой расчет (проводится) без системы, то такое государство бедно. Если народ беден, то и государь беден, если народ богат, то и государь богат... Обрабатываемые поля в уездах являются корнями богатства, пустующие земли, охраняемые продовольственные амбары — это ветви богатства. Мир и труд ста семейств имеют значение первейших источников всех вещей, тогда как те, кто собирают налоги в казенные склады, являются потоком, уносящим вещи»⁷⁷. Интересно также положение: «те, кто распоряжается государством, получают богатство благодаря силе (труду) ста семейств, получают (военную) мощь благодаря тем, кто умирает (за родину) из числа ста семейств, получают почести от доброй славы ста семейств»⁷⁸.

Чтобы понять до конца смысл подобных высказываний Сюнь-цзы, нужно вспомнить общественную обстановку, в которой они

⁷⁶ См. предисловие Ян Хин-шуна к книге А. А. Петрова, «Ван Чун. Древнекитайский материалист и просветитель», М., 1954, стр. 6.

⁷⁷ 郭沫若, 十批判書, 北京, 1954, 240頁.

⁷⁸ Там же, стр. 241.

появились. В книге Ло Гэн-цзэ об источниках «Гуань-цзы» очень хорошо намечены этапы возникновения мировоззрения, которое можно определить как стремление к усилению земледелия и к максимальному ослаблению ремесла и торговли. Зарождение новых взглядов, выражавших отрицательное отношение к так называемым «побочным занятиям», относится примерно к середине «Чжаньго», но всеобщее распространение они приобретают в начале Хань. Эта программа, которая возвеличивает земледелие и всячески преуменьшает значение торговли, сначала выступает лишь в качестве неопределенной тенденции и лишь постепенно кристаллизуется в вполне сложившийся лозунг, которым руководствуются государственные деятели. Глубже всего она выражена у Хань Фэй-цзы. Появление этой программы стояло в непосредственной связи с усилением борьбы за власть. Отдельные княжества консолидируют свои силы и стремятся к территориальному расширению. При назревающих в такой обстановке конфликтах между княжествами каждое из них больше всего ценит внутренний мир и органическую устойчивость хозяйства как предпосылки, обещающие ему победу в борьбе. Спокойный труд земледельцев на полях способствует этой устойчивости, а торговля и спекуляция, сопровождаемые обострением полюсов богатства и нищеты, наоборот, всячески расшатывают общественный строй. Торговля и спекуляция создают атмосферу какого-то общественного разложения и вызывают всеобщее недовольство. Вот почему, если в период «Чжаньго» еще иногда и можно встретить у отдельных авторов замечания о пользе ремесла и торговли для общества, то в дальнейшем осуждение этих занятий становится единодушным. Правительство вступает на путь проведения мероприятий, направленных против торговли⁷⁹.

Однако, разбираясь в природе этого направления мысли и политики, нетрудно усмотреть, что далеко не всегда люди, отстаивавшие такие позиции, действительно относились доброжелательно к крестьянину и заботились об его интересах. Всемерное укрепление земледелия при известных условиях могло стать одним из звеньев программы концентрации экономического и социально-политического влияния в руках государства, как это было, например, у Шан Яна, который заботился главным образом о мощи государства, о сосредоточении в нем больших хлебных ресурсов на случай войны и т. д. Благополучие земледельцев само по себе мало трогало Шан Яна. Таким образом, не следует слишком легко поддаваться впечатлению отдельной фразы в древнем тексте и всюду усматривать сочувствие земледельцам и их интересам. Источники не позволяют нам говорить о ком-либо из мыслителей древности, как о представителе народа, непосредственно связанном с массой земледельцев. Но Балаж, по-видимому, прав в том отношении, что среди мелкого китайского чиновничества могли

⁷⁹ 羅根澤, 管子探源, 上海, 1931, 84頁.

быть группы, не потерявшие связи с землей и склонные поэтому сочувствовать отдельным мероприятиям государственной власти, когда они влияли благоприятно на положение земельных собственников. Эти люди как бы образовали «демократический» слой чиновничества. Они, конечно, прежде всего служили своему «начальству» и поэтому все же оставались общественной группой, связанной с феодалами. Но для них земледельческое население не было только объектом для проведения известной линии государственной политики. В условиях общественного развала конца Чжоу они старались подсказать правительству, как спасти шатающееся государство, укрепить его, вернуть ему устойчивость, а с другой стороны, в процессе этой консолидации возродить производительные силы земледельцев, обеспечить им некоторый минимум благосостояния.

Уже из сказанного можно понять, сколько внимательности и осторожности нужно проявить, чтобы правильно уловить социальный смысл высказываний того или иного древнекитайского автора о земледельцах. Нередко приходится встречать сочинения двойственные в этом отношении. Типичен, например, Сюнь-цзы. Приведенные выдержки свидетельствуют, казалось бы, с несомненностью о его симпатиях к земледельческому населению. Но как сочетать их с тем, что Сюнь-цзы на протяжении веков считался одним из столпов конфуцианства? Вспомним в этой связи его учение о необходимости четких социальных градаций во всяком обществе. Сюнь-цзы пытается также доказать полную невозможность такого общественного строя, при котором все равны. Гораздо легче, конечно, анализировать социальную природу учения, отличающегося внутренним единством и монолитностью. Однако, если такой целостности и гармонии нет, приходится, игнорируя противоречивость учения, пытаться найти в нем основной стержень. Как у Сюнь-цзы, так и в «Гуань-цзы» сочувствие интересам земледельцев является не просто фразой, а тесно связано со всей системой предлагаемых ими экономических мероприятий. Если бы у этих авторов, как и у Мэн-цзы, симпатии к земледельческому населению были только конфуцианской лакировкой, не трагивающей существа их экономических теорий, эту фальшь было бы легко обнаружить. Однако и Сюнь-цзы, и «Гуань-цзы» действительно хотят помочь земледельцам. Это дает право говорить о какой-то гуманной струе в их учениях.

Определить истинное отношение «Гуань-цзы» к земледельцам тем труднее, что текст «Гуань-цзы» немало испорчен переписчиками, а их классовые интересы могли быть различными, что и приводило к противоречивости и несогласованности разных частей трактата, находящегося в нашем распоряжении. Эту несогласованность и пестроту текста нетрудно обнаружить.

Интересно, например, что, когда Гуань-цзы советует князю Хуаню ограничить барщину и оставить земледельцам хотя бы 25 свободных дней для весенних полевых работ (глава 68), князь

настаивает на том, чтобы сохранить барщину полностью. При ограничении барщины, заключает он, крестьяне могут получить богатейший урожай, а при таких условиях чиновники недостаточно ценят жалованье, а народ будет ставить ни во что награды. В других местах трактата сами авторы «Гуань-цзы» предпочитают, чтобы государь как бы держал в своих руках ключи от народного хозяйства. Если народ сознает зависимость всех своих материальных интересов от правительства, — тогда последнее будет ему казаться «отцом и матерью» народа. «В результате выходит так: захочет государь — даст, захочет — отнимет, захочет — доведет до бедности, захочет — предоставит возможность разбогатеть» (глава 73). Таким образом, Гуань-цзы выступает защитником взглядов, которые в другом месте, в противовес ему, высказывает князь Хуань. Если развивать дальше мысль о том, что народ должен быть в полной материальной зависимости от государя, то можно в конце концов дойти и до «теории» Шан Яна: «чтобы государство было сильно, нужно, чтобы народ был слаб».

Для окончательного выяснения противоречивости социальных воззрений «Гуань-цзы», воспроизведу важнейшие высказывания трактата о земледельцах. Так, в главе 83 князю Хуаню приписывается стремление «принести пользу нашему бедному люду»; при этом князь ссылается на то, что он относится с «большим уважением» к занятию земледелием. В главе 81 тот же князь Хуань заявляет о своем стремлении урезать прибыли купцов, чтобы «облегчить земледельцам условия хозяйственной деятельности». В «Гуань-цзы» собеседник князя Хуаня Гуань Чжун неоднократно ополчается против эксплуатации земледельцев торговцами благодаря умело используемой ими неустойчивости цен. Он стремится устранить бедствия для земледельцев, связанные с ростовщичеством (глава 83); советует князю Хуаню ограничить барщину, чтобы дать земледельцам возможность обеспечить хороший урожай, если их не станут отправлять на трудовые повинности в сезон наиболее горячих сельскохозяйственных работ (глава 68). Он настаивает на повышении в несколько раз цен на хлеб, чтобы поднять благосостояние земледельцев. В отличие от Лао-цзы в главе 5 плохим политиком объявляется тот, кто не сумеет отнять у имеющего избыток и прибавить страдающему от недостатка. Руководящее начало управления, по «Гуань-цзы», заключается в том, чтобы обогатить народ (глава 48). При неумеренных налогах неизбежна «внутренняя война» (глава 68). Правительство должно брать у народа как можно меньше. Неумеренные налоговые требования с быстрыми сроками платежа поглощают часто львиную долю стоимости имущества плательщика. Если какой-нибудь налог отменяется, вся страна предается радости (глава 73). Наконец, проповедуя обособление общественных классов друг от друга и строгое следование каждой группы профессии своих отцов, «Гуань-цзы» допускает единственное исключение для земледельцев, кото-

рые при известных условиях могут становиться учеными (глава 20).

Все это показывает, что земледельцы для «Гуань-цзы» на особом положении, благожелательное отношение к земледельческому населению — не случайно оброненная фраза, а система взглядов. Все мировоззрение «Гуань-цзы», построенное на идее государственного вмешательства в экономику, проникнуто стремлением совместить усиление государственной власти с улучшением положения земледельцев. Но авторы «Гуань-цзы» делают существенную уступку господствующему классу и отстаивающему его интересы чиновничеству в вопросе о том, в чьих руках должно происходить накопление богатства в стране: у государства или у земледельцев (см. ниже). Неустойчивость эта как раз и могла скорее всего возникнуть потому, что авторы были связаны с мелкой земельной собственностью и в то же время как представители низших слоев чиновничества должны были считаться с желаниями правительственных кругов. Таков, по нашему мнению, ответ на вопрос о классовой позиции «Гуань-цзы».

Необходимо добавить несколько слов о своеобразном преломлении лозунга: «земледелие — ствол, а ремесло и торговля — ветви» в труде «Гуань-цзы». Мы видели, что в изображении Ло Гэн-цзэ это положение со временем становилось все более категоричным, самое крайнее выражение оно нашло у Хань Фэй-цзы. Повидимому, Ло Гэн-цзэ склонен даже считать, что степень настойчивости, с которой это положение проводится тем или иным автором, может быть поставлена в зависимость от того, когда этот автор писал свое произведение. Ло Гэн-цзэ, определяя, что трактат «Гуань-цзы» в основном может быть отнесен в IV—III вв. до н. э., считает его главный экономический раздел «динчжун» продуктом мысли ханьских финансистов. Между тем как раз «Гуань-цзы» нельзя считать крайним и прямолинейным выразителем учения о том, что земледелие — это основа, а ремесло и торговля — побочные отрасли. Крайняя точка зрения в этом вопросе заключается в признании ремесла и торговли «бесплодными» занятиями, подлежащими искоренению именно потому, что они лишь отвлекают человеческий труд от полезного применения. Но ведь именно такая позиция совершенно чужда «Гуань-цзы». Авторы этого произведения хотят, наоборот, развивать возможно больше такие отрасли промышленной деятельности, как добыча соли и выплавка железа, чтобы за счет развития этих отраслей получить такие доходы в казну, которые позволили бы освободить земледельцев от обложения. В этом отношении существует огромная разница между «Гуань-цзы» и Шан Яном, который мечтал истребить с корнем все занятия, кроме земледелия и войны. Таким образом, при всем преклонении авторов «Гуань-цзы» перед земледелием они отнюдь не претендуют для него на монополию. И уж если считать, вместе с Ло Гэн-цзэ, что враждебность китайской науки к «второстепенным» отраслям стала нарастать со временем,

то «Гуань-цзы» нужно отнести отнюдь не к периоду наибольшего развития этой идеологии, который Ло Гэн-цзэ отождествляет с появлением труда Хань Фэй-цзы, а к более раннему времени.

Может показаться странным, что трактат «Гуань-цзы» принадлежал когда-то к канонической литературе, а затем был причислен к сочинениям еретического характера. Возникает вопрос: разве из самого содержания трактата нельзя усмотреть, является ли он произведением, вполне выдержанным в правоверном духе, или нет? Отвечая на этот вопрос, следует заметить, что понятия, какими обстоятельствами определялось в древнем Китае идеологическое лицо того или иного памятника, не так-то просто. Чтобы выяснить этот вопрос, придется остановиться на общей характеристике науки в Китае того периода. Мы увидим полную аналогию в этом отношении между Китаем и Индией.

Представители господствующих классов в Китае древнего периода считали, что наука должна строить свои положения в строгом соответствии с какими-то общими «высшими» началами. В тех науках, которые рассматривают поведение человека, особенно в общественных условиях, такими началами могут быть лишь нравственные категории. Научное сочинение подобного рода должно открывать перед человеком путь нравственного поведения. Из этого принципа не может быть никаких исключений. Такова же была и каноническая наука в средневековой Европе, не допускавшая отступлений от нравственных устоев христианства. Высшим нравственным началом в Китае было «дао». Независимо от философских направлений оно означало высший путь, следование которому абсолютно обязательно. Поведение каждого человека, следующего «дао», должно быть безупречным. Такими же путеводными принципами в общественной науке были принципы «жэнь», т. е. гуманность и милосердие, «и», т. е. справедливость или нравственная обязанность, «дэ», т. е. добродетель. Нравственная норма «ли» была как бы синтезом поведения на основе всех этих принципов, совокупность таких «ли» должна была предопределять все действия человека.

Совсем иной характер имели научные произведения, построенные на основе принципа пользы или выгоды «ли». Нравственность и выгода несовместимы. Наука, исходящая из начала пользы, для конфуцианства неприемлема. Такие сочинения непременно признавались антиконфуцианской или хотя бы внеконфуцианской литературой, противоречащей канону.

Однако были темы в научной литературе Китая, которые по самому своему существу не могли трактоваться иначе, как исходя из этого принципа. Конфуцианство не одобряло трактатов, построенных на этой основе, но понимало неизбежность такого рассмотрения известного круга вопросов. К ним относилась вся литература, посвященная войне и дипломатии, которая действительно коренным образом отличается от конфуцианской литературы. Все построения авторов этого направления стоят в прямом проти-

воречии с перечисленными выше нравственными началами. Мы познакомимся, например, в дальнейшем изложении с учением Гуй Гу-цзы и его школы, которое трактует дипломатическую деятельность на основе принципа силы и борьбы за власть. Еще острее сказывается отказ от нравственных начал, когда вступает в свои права война. Стоит привести суждения крупнейшего военного теоретика Сунь-цзы, трактат которого является по меньшей мере ровесником «Гуань-цзы» (а скорее даже несколько старше его): «Мощь — это умение применять тактику, сообразуясь с выгодой». «Война — это путь обмана»⁸⁰. Очень характерно положение Чжан Юя, приводимое Н. И. Конрадом: «На основе гуманности и справедливости можно управлять государством, но нельзя управлять армией. На основе тактических приемов и изменений можно управлять армией, но нельзя управлять государством. Таков закон»⁸¹. В этом афоризме с большой ясностью показано, что разные сферы общественной жизни должны подчиняться неодинаковым в нравственном отношении началам.

Казалось бы, на основании сказанного можно сформулировать такой вывод. Поведение в обществе всегда должно быть нравственным и подчиняться принципам «дао», «и», «жэнь» и «дэ», за исключением вопросов войны и дипломатии. Однако на деле вопрос решался не так просто. Осложнения возникали там, где вставали вопросы законодательства и экономики. Казалось бы, закон («фа») всегда рассматривается как начало, стоящее в антагонизме с нравственной нормой «ли», и поэтому естественно ожидать, что труды, опирающиеся на принцип «фа», должны признаваться учением, стоящим вне нравственности. Однако в этом вопросе конфуцианцы далеко не такие ригористы, чтобы отвергать категорически закон как орудие воздействия на массы. Точно так же в области экономики мероприятия, ведущие (по взглядам конфуцианцев) к борьбе между народом и правительством из-за дефицита прибылей, не могут получить одобрения с нравственной точки зрения. Но и в области экономики могут быть действия, вполне согласуемые с «дао». Так, если легендарные древние цари выпускали деньги, чтобы дать голодающему народу возможность выкупить проданных детей, то такое поведение могло встретить у конфуцианцев только полное одобрение. Отсюда ясно, что право и экономика это нейтральные области. Они могут освещаться и в правоверном и в еретическом духе, — в зависимости от того, какими высшими критериями будет пользоваться тот, кто обсуждает эти вопросы. Поэтому конфуцианцы не могли признать легистскую доктрину целиком еретической, хотя им, бесспорно, было трудно побороть искушение поступить таким образом. Объявить учение Шан Яна безнравственным было нетрудно. Но по-иному приходилось отнестись, например, к Хань Фэй-цзы. «Гуань-цзы» пре-

⁸⁰ Н. И. Конрад, «Сунь-цзы». Трактат о военном искусстве, стр. 34.

⁸¹ Там же, стр. 111.

имущественно разбирает вопросы права и экономики, но это не мешает его авторам строго соблюдать в своих рассуждениях нравственные начала. В содержании трактата «Гуань-цзы» нет, таким образом, ничего еретического. Он попал в разряд преследуемой литературы только из-за того, что позднейшая конфуцианская доктрина ассоциировала его, как уже говорилось, с деятельностью Сан Хун-яна, противоречившей конфуцианской догме.

Интересно отметить, что то же деление науки на догматическую и внедогматическую еще с большей резкостью, чем в Китае, проводилось в Индии. В этом отношении между обеими странами была полная аналогия. И в Индии была одна наука, так сказать, для «спасения души» и другая наука — для утверждения житейского благополучия. Обе науки были несовместимы. Одна, подавляющая часть сочинений индийской литературы была построена на началах дхармы, т. е. «учения об обязанностях, о выполнении человеком долга по отношению к самому себе и к другим», основанного на высшем моральном законе, управляющем вселенной. Другая, схизматическая, в отличие от дхармашастры называлась «артхашастрой», т. е. учение о пользе. Переводчик «Артхашастры» на немецкий язык Мейер определяет ее, как «обособленную суверенную науку, выросшую на собственном фундаменте, противопологаемую дхарме, или закону благочестия, часто сознательно заостренную до крайности в строгой последовательности мышления»⁸². Некоторые индийские историки склонны толковать термин «артха», как богатство⁸³. В Индии еще отчетливее, чем в Китае, проявляется отказ от нравственных начал при анализе вопросов войны и дипломатии. Приведем хотя бы содержание учения «Бхарадваджи». Государь должен быть мягок в речах, но остер сердцем как бритва. При неблагоприятной обстановке ему следует быть готовым тащить на плечах врага, но как только придет благоприятный случай, разбить его вдребезги, подобно земляному горшку, ударенному о скалу. В случае необходимости он может устранить с своего пути сына, брата, друга. Государь обязан жертвовать своей честью и чувством собственного достоинства, чтобы купить безопасность от внешнего вторжения⁸⁴. Точно так же в «Артхашастре» при рассмотрении политических вопросов полностью игнорируются все другие мотивы поведения, кроме государственной пользы. Совершенно отбрасываются проблемы чести, морали и даже религии. Характерно, например, что для целей шпионства предназначаются «Артхашастрой» в значительной мере служители культа в надежде на то, что, очевидно, «внешний облик монаха или аскета будет отгонять

⁸² J. J. Meyer, *Das Altindische Buch vom Welt und Staatsleben. 1 Lieferung*, Hannover, 1925, S. XIX.

⁸³ U. N. Ghoshal, *A history of Hindu political theories. From the earliest times to the end of the first quarter of the seventeenth century*, London — Calcutta, 1923, p. 101.

⁸⁴ Ibid., p. 55—68.

у встречающихся с ними мысль о шпионстве». В «Махабхарате» рекомендуется такая система мер на войне: «Государь должен (при приближении врага) выгонять обитателей лесов на дороги и, если необходимо, передвигать целые деревни... Он сам должен изымать все запасы зерна. Если это становится невозможным, он должен совершенно уничтожить их огнем. Он должен уничтожить все мосты через реки своего государства. Он должен выпустить воду из всех прудов в своих владениях; если воду невозможно выпустить, приказать отравить ее»⁸⁵. Шпионы, живя в неприятельской стране под видом торговцев, могли продавать бойцам местной армии отравленные спиртные напитки. К шпионажу привлекались гетеры⁸⁶.

В заключение хочу сказать о том, как много дает для углубленного понимания древнекитайских экономических идеологий изучение трудов Маркса. Маркс, по-видимому, не был знаком ни с конфуцианской системой «квадратных полей» («цзинтянь»), ни с учением «Гуань-цзы» о стабилизации хозяйства («цинчжун»), но он относился с исключительным вниманием к особенностям экономической жизни на Востоке и оценивал их гораздо глубже и тоньше, чем кто-либо другой. В результате в его трудах мы находим и законченную характеристику восточной земельной общины, и замечательный анализ экономической роли государства на Востоке, проливающий яркий свет на ту общественную среду, которая могла породить учение «Гуань-цзы». Хотя Маркс и не занимался специально изучением истории экономических идеологий восточных стран, однако его труды содержат материал исключительной ценности для уразумения того, как подобные идеологии могли возникнуть. Прежде всего укажу, что Марксу удалось очень четко раскрыть своеобразие народнохозяйственного строя Азии, которое должно было вызвать к жизни идеологию земледельческой общины типа «цзинтянь». Маркс показал, что восточная земельная община представляет собой неразрывно спаянный коллектив, в котором сама община, выражаясь философскими терминами, является «субстанцией», а отдельный ее член — «акциденцией»⁸⁷. Говоря о предпосылках этого тесного единства внутри общины, Маркс указывает, что «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что о нем производится расчет только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связаны воедино и т. д.»⁸⁸. По словам Маркса, индивидуум в такой общине спаян с остальными или общиной «столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем». Маркс

⁸⁵ P. Banerjee, *International law and custom in ancient India* («Journal of the Department of Letters», vol. I, 1920), p. 351.

⁸⁶ Более подробно о работах о войне и дипломатии рассказано в моей статье: В. М. Штейн, *К истории дипломатии в древнем Китае и древней Индии* («Вестник Ленинградского университета», Л., 1947, № 6, стр. 95—115).

⁸⁷ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, [М.], 1940, стр. 16.

⁸⁸ Там же, стр. 18.

касается также вопроса о специфике распределения прибавочного труда в условиях примитивной общины Востока, основанной на принципе удовлетворения всех потребностей за счет работы самих членов общины. По словам Маркса, часть прибавочного труда общины доставалась «высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного лица»⁸⁹.

Как хорошо известно, Маркс в I томе «Капитала» оставил классическое изображение этой застойной общины на индийском примере. Однако Маркс заметил, что «форма деревенских общин, покоящихся на общинном землевладении», была «первоначальной формой и в Китае». И здесь «единство мелкого земледелия с домашней промышленностью образует... широкий базис способа производства»⁹⁰. Община этого типа превращается в «самодовлеющее производственное целое»⁹¹.

Можно смело сказать, что не изучая экономических рассуждений Мэн-цзы, Маркс тем не менее сумел с поразительной прозорливостью обрисовать экономическую обстановку, которая могла породить конфуцианскую экономическую идеологию.

Столь же несомненно, что Марксу удалось показать и те черты восточной экономики, на фоне которых могло созреть экономическое миросозерцание «Гуань-цзы». Важнейшая из них — государственная собственность на землю, на которую Маркс постоянно указывал как на отличительную особенность аграрного строя Азии. По его словам, «государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе»⁹². В этой фразе «национальный масштаб» государственной земельной собственности скорее всего означает сосредоточение всех нитей распоряжения землей в руках центральной государственной власти. Конкретный вывод из этой системы Маркс формулирует в известном положении, согласно которому в восточных странах «рента и налог совпадают». Социально-политический смысл этой формулы, несомненно, состоит в том, что на Востоке преобладающая часть прибавочного продукта должна сосредотачиваться в распоряжении государства. В отличие от капитализма при докапиталистических формациях прибавочный продукт олицетворяется преимущественно не в виде прибыли, а в форме ренты. Если в Азии рента принимает характер налога, т. е. достается в конечном счете государству, то естественно, что органом накопления в Азии выступает главным образом правительство⁹³. То, что «Гуань-цзы» говорит о накоплении органами государственной власти, отнюдь не оторванное от жизни

⁸⁹ Там же, стр. 7.

⁹⁰ К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 345. — Об азиатской общине с ее соединением земледелия и индустрии К. Маркс упоминает и в книге «Теории прибавочной стоимости» (т. III, [М.], 1936, стр. 303).

⁹¹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, М., 1955, стр. 364.

⁹² К. Маркс, *Капитал*, т. III, стр. 804.

⁹³ К. Маркс, *Теории прибавочной стоимости*, т. III, стр. 306—307.

теоретическое построение, а понимание реального результата государственной собственности на землю в Китае того времени.

Маркс неизменно подчеркивал также значение больших государственных работ и сооружений на Востоке. Так, в статьях об Ост-Индии он отмечал, что жизнь «повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ»⁹⁴. В таком же духе он высказывается в своем труде «Формы, предшествующие капиталистическому производству»: «Принадлежащие всем условиям действительного присвоения посредством труда *ирригационные каналы*, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами»⁹⁵.

Благосостояние весьма широких слоев населения оказывается поставленным при таких условиях в зависимость от форм и мест распределения государством накопленных им фондов. Маркс приводит слова Джонса относительно развалин больших городов на Востоке, сразу оставленных населением, как только появились новые центры распределения королевских доходов, т. е. суммы добавочных дивидендов с земли⁹⁶. Маркс ссылается также на Бернье, сравнивающего индийские города с лагерями. Это объясняется, добавляет Маркс, «формой землевладения в Азии». Марксом вскрыты, таким образом, все корни той системы идей, которая нашла столь яркое воплощение в труде «Гуань-цзы»: государственная собственность на землю как форма феодальной собственности, совпадение ренты и налога, сосредоточение накопления в правительственных руках, зависимость населения от распределения государством накопленных средств.

В трактате «Гуань-цзы» с большой убедительностью раскрыто конкретное содержание экономического строя, основанного на государственной собственности на землю, что позволяет рассматривать его как замечательный памятник экономической мысли древнего мира.

---

⁹⁴ К. Маркс, *Британское владычество в Индии* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, М., 1957), стр. 132.

⁹⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 7.

⁹⁶ К. Маркс, *Теория прибавочной стоимости*, стр. 319.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия	5
Введение	7
Глава I. Постановка проблемы	49
Глава II. Экономика Китая в период Чжаньго и Цинь-Хань	70
Глава III. Основные течения китайской общественно-экономической мысли периода Чжаньго и Цинь-Хань	94
Глава IV. «Гуань-цзы» и школа легистов	120
Глава V. Идея закономерности общественной жизни и принцип стабилизации хозяйства («цинчжун»)	146
Глава VI. «Гуань-цзы» и экономическая мысль Ханьской эпохи.	159
Глава VII. Взгляды ачторов «Гуань-цзы» по отдельным экономическим и финансовым вопросам	183
Глава VIII. Аграрная политика «Гуань-цзы»	210
Глава IX. Древнекитайская и древнегреческая экономическая мысль (опыт параллели)	232
Глава X. Древнекитайская и древнеиндийская экономическая мысль.	232

Переводы

Объяснения к переводам	253
Из «Гуань-цзы»	255
Глава 5. «Чэнма» (отрывки)	255
Глава 20. «Малый план» (отрывок в сопоставлении с текстом главы 6 из «Гоюя»)	260
Глава 48. Об управлении государством	263
Глава 58. «Категория земель» (отрывок)	267
Глава 68. Отношение чиновников к «чэнма» (отрывок)	272
Глава 69. Количественные нормы для «чэнма»	276
Глава 71. Беседа о трудовой повинности (отрывок)	279
Глава 72. О государе, правящем в приморских владениях (отрывок)	282
Глава 73. О накоплении в государстве	284
Глава 74. О количественных нормах [хозяйственной деятельности] для горного княжества	292
Глава 75. О властвовании над количествами [благ] в горной стране	297
Глава 76. О цифровом учете поступлений в горном [княжестве] (отрывок)	300
Глава 77. О цифровых расчетах в отношении земли (отрывок)	305
Глава 78. Об учете и измерении (отрывок)	307
Глава 80. О стабилизации [хозяйства] первая (отрывки)	309
Глава 81. О стабилизации [хозяйства] вторая (отрывки)	312
Глава 83. О стабилизации [хозяйства] четвертая (отрывки)	314
Глава 84. О стабилизации [хозяйства] пятая (отрывок)	317
Из «Мэн-цзы» (отрывки)	319
Глава I. Лянский князь Хуэй	319
Глава II. Гуньсунь Гоу	320
Глава III. Тэнский князь Вэнь	321
Глава V. Вань Чжан	326
Глава VI. Гао-цзы	328
Из «Сюньцзы»	329
О самоусовершенствовании (отрывок)	329

